

ПЕТР ВАНГРИН

ՀԱՄԱՐՄԱՆ
ՍՄԻՆՈՒՄ
ԿՅ

16+

Зимопись

Петр Ингвин

Зимопись. Путь домой. Аз

«Автор»

2020

Ингвин П.

Зимопись. Путь домой. Аз / П. Ингвин — «Автор»,
2020 — (Зимопись)

«Аз» — продолжение шеститомного романа «Зимопись». Поставленные перед судьбоносным выбором герои ищут решение, а находят... Кто не читал «Зимопись», тем «Зимопись. Путь домой» будет непонятна — знакомство с новым миром и действующими лицами начинается в книге «Как я был девочкой». Дизайнер обложки: Галина Николаиди.

© Ингвин П., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Петр Ингвин

Зимопись. Путь домой. Аз

Глава 1

Мы прорубались сквозь колючий кустарник в нескольких километрах от дороги. Я орудовал катаной как рубщик сахарного тростника своим мачете. Внешне движения выглядели так же, как у поочередно сменявших друг друга членов команды с их мечами, ножами и кинжалами, а эффект – несравнимый. Будто слон прошел там, где должен был ломиться средних размеров ослик. Чудо, а не меч. То есть, сабля, если следовать научной классификации.

Нет, все же меч, мне так нравилось больше, и традиция словоупотребления в моем мире постановила, что катана – меч. Правила пишутся людьми и ими же позже непременно нарушаются. А вообще, как уже не раз приходило на ум, какая мне, собственно, разница, меч или сабля, если суть предмета замечательно передавалась термином «чудо»?

Малику уже надоели мои благодарности за подаренную овеществленную сказку, он даже грозился вновь забрать, если не перестану. Пусть попробует. Мы с ним, конечно, в разных весовых категориях, сила и опыт тоже на его стороне, но технологическое превосходство в возможном спарринге – у меня. Если он сунется, при хорошем скользющем ударе я его бронзовую загогулину пополам перерублю.

Малик, конечно, не сунется, он шутит. И я никогда не подниму на него руку. Спаянные общей бедой, прошедшие столько выпавших на нашу долю испытаний, мы стали единой командой, настоящими братьями, пусть и с невообразимой разницей в возрасте. Впрочем, дядя Люсик, при своих седине, одышке и мудром (скажем так, чтобы не обидеть) пессимизме, оставался в душе ребенком более, чем не так давно оставивший это беззаботный статус ваш покорный слуга.

Сейчас дядя Люсик и Малик с товарищами рисковали жизнями, помогая мне добыть Зарину из темного дома. Не знаю, смогу ли когда-нибудь отплатить им той же монетой. У меня всего одна жизнь, а я готов немедленно отдать ее за любого из них.

Но только за них. Разговор у реки, когда мы встретились, пока закончился ничем. Прошло больше недели пути через предгорья, леса и пустоши, а ответа на вопрос, биться за изменение здешних правил, чтобы построить более справедливый мир, или искать путь домой, у меня не было. В тот раз я попросил отсрочку, сказав, что хочу взвесить все еще раз и что первой точкой, куда я направлюсь, все равно будет темный дом. Раньше ответ не потребуется, а если моя авантюра закончится плачевно, то и потом.

Жившая в моем сердце Зарина ждала меня там, в неизвестном и страшном уже из-за названия доме, где содержали неизлечимо больных, психов и инакомыслящих. Назначение заведения прояснялось в течение долгого времени, сложилось из слухов и обмолвок. Темный дом – место ссылки, откуда нет возврата.

Не самое приятное место для экскурсии.

Выбирать не приходилось. Главное, что местонахождение цели Малику и его команде было известно, и сейчас наша незаконная бригада из девяти человек двигалась туда с намерением изъять нужного мне человека любым доступным способом. Я про себя добавлял: и недопустимым. Любой ценой. Мой настрой соратники понимали, в душу не лезли и всячески поддерживали морально.

Секущие удары следовали один за другим, пот катился градом. Я уже подумывал уступить место следовавшему за мной дяде Люсику, когда позади него послышался шум. По расчищенному в зарослях проходу Малик вел к нам соратника:

– Расскажи еще раз, теперь с подробностями.

– Рассказать что? – Косматый рыцарь, один из шести сопровождавших нас приятелей Малика, поскреб в затылке и непонимающе моргнул.

Это был рослый здоровяк, про каких говорят «косая сажень в плечах», он носил ласковое имя Котя, постоянно балагурил в пути, плел о своих нескончаемых подвигах и похождениях, но откровенные небылицы перемежались яркими деталями об окружающем мире. Малик, как видно, отметил что-то важное.

– Я много чего рассказывал. – Котя с улыбкой поглядел на меня и дядю Люсика. – И еще могу много чего рассказать, если слушатели попались благодарные. Со мной столько всякого бывало...

– О «плохом» месте рядом с темным домом, – перебил Малик. – Ты сказал, что там часто пропадали люди.

Котя скривился:

– Не то чтобы часто...

Впереди в колючей чаще виднелась удобная для отдыха прогалина, все устали, и Малик скомандовал:

– Перекур.

Недавно прошел небольшой дождь, вокруг было свежо и не так жарко, как в первой половине дня. Склонявшееся к закату солнце заволокло облаками, дул прохладный ветерок, в кустах трещали кузнечики. Наша бригада расположилась в удобной выемке посреди невысоких зарослей, где можно отдохнуть, оставаясь невидимыми снаружи. Бригадой компанию из трех попаданцев и шести рыцарей назвал дядя Люсик. Слово прижилось. Бригадиром, естественно, называли Малика, хотя у меня и дяди Люсика прав в решении вопросов было не меньше. Но слушались рыцари только своего командира.

Малик опустил на сухую траву вместе мной и дядей Люсиком, приведенный им сподвижник сел перед нами. Остальные расположились чуть поодаль, откуда с интересом прислушивались к разговору.

– Закавыка в том, что люди пропадали загадочно, – с удовольствием вещал Котя. – Понятно, что кого-то могли съесть волки, кого-то – утащить челоюлки, еще кто-то попался пожирателям, если дело произошло неподалеку от Большой воды. Но чтобы совсем бесследно – такого у нас не бывало. И ладно бы один раз, тогда никто, наверное, не заметил бы жуткую особенность, и разговоров никаких не пошло бы. Но когда в одном месте год за годом с людьми происходит невероятное... – Котя покачал большой гривастой головой. – Кто-то говорит, что их черти взяли, кто-то – что Алла забрала для лучшей жизни и вознесла к себе на небеса. Ну, это в том случае, если человек был хороший, а если плохой – тут, однозначно черти виноваты.

– Ближе к делу, – попросил Малик. – В чем та самая «жуткая особенность»?

Котя сделал большие глаза:

– Представляете, люди исчезают, а их вещи остаются в целостности и сохранности! Вот и скажите: при чем тут волки, челоюлки или те же пожиратели? Даже наш брат-рыцарь, если на добычу позарится, в первую очередь одежду хорошую с доспехами возьмет, а уж про оружие и запас еды и говорить нечего. Нечисто там что-то. Плохое место.

Мы с дядей Люсиком переглянулись. Я почувствовал, что сердце превратилось в задыхавшийся в бою пулемет, а руки затряслись:

– А кто-то чужой в тех местах появлялся?

– Чужой? – не понял Котя.

– Ну, вроде ангелов на Святом причале.

– Не-е, там только исчезают. И говорю же: люди пропадают полностью, а все вещи...

Я уже не слушал. Путь домой?! Выходит, портал разделен на вход и выход, и нам не требуется строить вышку или запускать воздушный шар? Не зря же местные, кто в курсе про-

блемы, уверяли, что на причале обратного пути нет. Там даже охрану не выставили. Вот, кстати, одно из важнейших подтверждений. Почему мы не обратили внимания раньше?

– Мне казалось, что причал не охраняют потому, что способов летать еще не придумали, – в подтверждение моих мыслей произнес дядя Люсик.

Котя часто моргал в попытке сообразить, о чем говорит друг бригадира, но мнение рыцаря сейчас волновало нас меньше всего. Время игр и тайн закончилось, мы выходили на прямую дорогу – домой или к борьбе за власть. Слухи о полетах, если разлетятся среди местных, сыграют нам на руку, ведь «три царя из пророчества» умели летать.

– Теперь же мне кажется, что шмокнутых фуцынов, которые попытаются соорудить на сене что-то высокое или подняться над причалом на специальных аппаратах, на раз укомплектуют по системе бикицер непредусмотренными организмом металлическими изделиями. – Когда дядя Люсик волновался, его речь наполнялась смачными и не всегда понятными одессизмами. Однако, в целом смысл угадывался, и мы с Маликом не перебивали. – Подобью на итог: закидон с причалом – глухой номер. Чтобы не попасть под раздачу, предлагаю тихомирно закрыть артель «Напрасный труд» и мандрувать до выяснения на указанное «плохое место».

– Согласен, – сказал я.

Малик повернулся к вытарачившему глаза Коте:

– Теперь еще раз и по порядку: откуда сведения, можно ли им доверять, и как долго идти до твоего плохого места.

– Не моего, – недовольно буркнул Котя. – Идти еще несколько дней, это недалеко от темного дома, в пустоши за Онавсювом.

– Она... чем? – переспросил дядя Люсик.

– Онавсюв – поселок отверженных. – Котя закатил глаза, не понимая, как можно не знать очевидных (для любого местного) вещей. – Вы, вообще, представляете, что такое темный дом и как он выглядит?

На всякий случай я отрицательно мотнул головой: чем больше информации получу со стороны, тем лучше. Дядя Люсик задумчиво произнес:

– Лично мне сталкиваться с этой проблемой не приходилось, но, насколько наслышан, темный дом в целом – это и психушка, и тюрьма, и больница для условно заразных и неизлечимых, и дом престарелых для тех, кто остался без родственников. Кого духовная или телесная хворь оставила, считается условно выздоровевшим и переезжает в некую деревню на окраине, где работает на благо всего темного дома.

– А деревня на окраине, – радостно закивал Котя, – это и есть поселок Онавсюв. Жителям два раза в год разрешено свидание с близкими родственниками – супругами, детьми, родителями, сестрами и братьями, если, конечно, те пожелают приехать. Встречи происходят на расстоянии, через дорогу, чтобы случайно не заболеть. Живущие снаружи родственники могут переехать к выздоровевшему, если захотят, но таких почти не бывает, ведь обратного пути нет. Темным домом заведуют святые сестры, а они считают, что лучше удерживать за стенами сотни здоровых, чем выпустить одного больного. По-своему они, конечно, правы...

– А сами святые сестры? – вырвалось у меня. – Они наружу выходят?

– Кто ж им запретит? Впрочем, вплотную с теми, кто живет внутри, они не пересекаются, они только наблюдают, приказывают и карают, причем карают тоже чужими руками.

– Еще раз спрашиваю, – перебил Малик, – откуда сведения?

– Мне тетка все в подробностях рассказала, когда со свидания вернулась, – объяснил Котя. – Ее второй муж в темный дом по душевной болезни угодил, через год поселился в Онавсюве, со слов дяди она и рассказала. Темный дом только называется домом, на самом деле никакой это не дом, это овраг с пещерами, куда снаружи не подобраться, а изнутри, понятное дело, не выбраться. Со всех сторон на пару дней пути – непроходимые каменюки и колючки

вроде этих, – широким жестом сеятеля Котя показал на окружавшие нас заросли. – При большом желании, конечно, можно прорубиться вплоть до оврага, но чужаков увидят издалека. Если идти ночью – услышат стук топоров и ножей. По верхнему краю оврага ходят дозорные, а внутрь ведет единственная дорога с несколькими постами. В глубине овраг расходится в стороны: для больных головой – налево, для больных телом – направо. Около внешнего поселка из земли бьет родник и небольшим ручьем стекает в овраг, внизу есть озерцо, во времена дождей оно переполняется, в остальное время воды едва хватает на всех проживающих и на полив огородов. Во все стороны от темного дома на дневной переход больше нет ни озер, ни ключей, ни колодцев. А плохое место, о котором мы говорим – на пустыре за поселком. С некоторых пор туда никто из местных не ходит. Боятся.

– Мы друг друга поняли? – спросил Малик у меня и дяди Люсика.

Два кивка подтвердили, что да, поняли. После моей встречи с Зариной мы вновь вернемся к обсуждению главного вопроса: бороться или уйти, и разговор станет более предметным.

– Спасибо, Котя, – сказал Малик говорливому приятелю и громко скомандовал: – Подъем!

Путь сквозь колючки продолжился.

Наше продвижение от западной границы до центральных районов шло непредставимо медленно. Если через леса можно идти и в светлое время суток, то открытые пространства представляли опасность, их пересекали ночами. Пища добывалась в лесу, или ее просили у крепостных на полях и в деревнях. Отношение крестьян к лесным разбойникам было разным, от сочувствия до ненависти, но продуктами с нами охотно делились: каждый подневольный понимал, что если что-то пойдет не так, он сам или кто-то из семьи легко окажется вне закона, и тогда ему тоже понадобится помощь. За провизией мы, на всякий случай, ходили поодиночке, отправляя тех из рыцарей, кто лучше знал места, где мы в тот момент проходили. Остальная бригада наблюдала со стороны, чтобы, если понадобится, вмешаться и спасти или, если дела плохи, не попасть в засаду всем вместе. До сих пор обходилось без происшествий. Даже если где-то крепостные проболтались и местные власти узнали о чужаках, то погоню никто не выслал и масштабную зачистку не устроил. Наверное, просто не хватало сил на облавы. Я уже знал, что если разбойники вреда цариссам не нанесли, те ограничиваются докладом Верховной царице, а она уже решает, принимать ли меры и какие.

Поочередно сменяясь в прорубании просеки, мы продвигались вперед ударным темпом, и к вечеру вдали показалась дорога. Там царило непонятное оживление: нескончаемым потоком спешили куда-то гонцы и вооруженные отряды во главе с цариссами, и о том, чтобы пересечь открытое пространство засветло, не шло и речи. Пришлось затаиться и ждать.

– Не по нашу душу? – Малик указал на непривычную дорожную суету.

– Сомневаюсь. – Дядя Люсик почесал заросший седыми волосами подбородок. – Загулявший в чужой вотчине папринций, интересный некой цариссе экс-невестор Чапа и даже такая известная личность, как вождь рыцарей Малик Носатый не стоят столь масштабного внимания. Скорее всего, что-то случилось на границе, и объявлен сбор. Своего рода мобилизация ополчения. Или в ближайшее время проведут забаву на розыгрыш вотчин, вот все и взбаламутились.

Со стороны школы, которую мы не так давно обогнули через леса, в сопровождении нескольких войников куда-то унеслись три старые знакомые: Антонина, Ефросинья и Ярослав. Сразу вспомнилось, что Ярослава и дед Ефросиньи – беглецы из-за гор или, что тоже допустимо, из очередного параллельного мира, откуда они могли попасть сюда через пещеру в долине. Если нам удалось преодолеть межвременной или межвселенский барьер, почему отказывать в том же другим?

А с другой стороны, самое простое объяснение обычно – самое верное. Не буду загадывать. Либо все само со временем разъяснится, либо я подумаю об этом дома, сидя за компьютером. Третьего не дано. Точнее, третий вариант пройдет уже без моего участия как живого представителя гомо сапиенса.

– Школу мы на днях миновали. – Дядя Люсик задумчиво поглядел вслед ускользавшим ученицам. – Впереди находятся их вотчины. Похоже, воспитанниц отправили по домам, а это значит, что происходит нечто новое. При мне такого не было.

Мне взбрела в голову дикая мысль. Или гениальная, как я определил ее для себя.

– Могу выйти на дорогу и поинтересоваться, что происходит, – объявил я. – Если снова проедут знакомые царевны из тех, кого я спас, они с удовольствием выложат мне всю подноготную.

– А если навстречу попадутся царберы с описанием некоего парнишки, за которого царисса Ася дает именную меч? – ехидно поинтересовался Малик.

Дядя Люсик поднял руку:

– Стоп. Полностью легален из нас только я. Мне приказывали вернуться в школу, но по просьбе Тома я задержался и виноват лишь в недостаточном усердии в выполнении приказа. Худшее, что со мной сделают – понизят в должности. Надо ли говорить, что отныне меня это не волнует? Если кому-то идти за новостями, то мне. И идти следует не на дорогу, а в ближайшую башню. Мы находимся на землях Анисьи, я был здесь недавно с «посольством» Тома, когда она вербовала будущих войниц. До башни мы дойдем еще до темноты.

Царисса Анисья – это мама Ефросиньи, дочь беловолосого чужака и жена Шурика. Первое – несомненный для меня нервный геморрой, второе – возможные новости об окружающем мире, а третье – безоговорочная необходимость идти туда наперекор любым другим обстоятельствам. Появился еще один шанс поговорить с Шуриком и как-то повлиять на него. Сейчас, когда мы собрались вместе, его реакция может оказаться другой. И прошедшее время могло повлиять на решение – мало ли что произошло в его семье с прошлого приезда дяди Люсика?

– Идем к башне, – подытожил Малик. – Дорогу пересекать не придется, пойдем вдоль, опять через кустарник. В обычном порядке, я рублю первым, Котя – замыкающий. Вперед!

Пока Малик прокладывал путь, я поинтересовался у дяди Люсика:

– В башню зайдем в каком составе? И как вы думаете, вашего титула и моих заслуг в спасении царевны Ефросиньи достаточно, чтобы просить гостеприимства?

– Рассчитывать на ночевку можно даже втроем, – ответил он. – Знаменитый вождь рыкцарей Малик Носатый тоже будет любопытным гостем. Башневладелицы и их домочадцы любят все необычное. Вспомни, какой ажиотаж вызвали твой человолк и, затем, Грозна Святая. Чтобы развеять скуку, здесь даже законы нарушают, иначе я сейчас с вами не разговаривал бы.

Малик, орудовавший мечом безостановочно, как перезарядившийся робот, на миг обернулся:

– Это все хорошо, но при условии, что не нарвемся на очередных меркантильных царберов или еще на кого-нибудь, кто относится к нашим личностям столь же неадекватно.

Круто завернул. Наверное, общение с дядей Люсиком сказалось. Я за собой тоже замечал, что зачастую перехожу на стиль разговора собеседника: по-другому строю фразы, жестикулирую или держу непривычную дистанцию, употребляю слова, о существовании которых в собственном лексиконе прежде не подозревал... Вывод: общаться нужно с теми, кто умнее, это благотворно сказывается на интеллекте и общем развитии.

Впрочем, нынешняя компания меня устраивала полностью, на другую ни за что не смеяю.

– Мы, конечно, рискуем, – сказал дядя Люсик, – но для большинства нормальных граждан у нас есть документ-амнистия на бывшего рыкцаря Малика и на Чапу, невестора Тамарина, как я вписал, едва увидев, что Чапа жив, и вписал весьма своевременно.

Дядя Люсик с неким обличением посмотрел на Малика. Тот словно спиной почувствовал и, вновь обернувшись, развел руками:

– Признаю, был неправ. Бумажка, даже если она кожаная – всему голова. Но в тот момент я честно не понимал, почему нужно что-то писать, когда пора бежать навстречу.

– Ты не жил в девяностые, – с непередаваемым отвращением к последнему слову и, одновременно, странной ностальгией проговорил дядя Люсик. – В те годы во многих городах без оружия было страшно выйти на улицу, но если при проверке ствол найдут, уедешь в Сибирь снег убирать. Перед выходом из дома приходилось писать заявление в милицию – да-да, тогда еще не в полицию – что, дескать, оружие нашел сегодня – вот дата и подпись – и, как добропорядочный гражданин с высокой социальной ответственностью, несудавать. Весь день заявление носили в кармане, вечером сжигали, утром писали новое.

– И втроем в башне будет проще отбить Шурика, – не совсем в тему, но очень кстати досказал Малик то, что занозой сидело в голове у каждого.

Дядя Люсик нахмурился:

– Шансы ничтожно малы, будут жертвы с обеих сторон. Шурик захотел остаться, и мы лишь испортим ему жизнь.

– Он просто не в себе, – упорствовал Малик. – Когда встретимся – дайте мне пару минут и увидите, что вывихнутые мозги вправляются так же быстро, как суставы.

– В его случае поможет только время. – Дядя Люсик покачал головой. – Мы сделаем все возможное, но давайте сразу договоримся: последнее слово останется за...

– Шурик же не в себе, – перебил Малик, – он не все знает и не может решать...

– ...за мной, – закончил дядя Люсик.

Малик остановился, лицо озарилось белозубой улыбкой:

– Это мне нравится больше. Вы решите, а мы с Чапой сделаем. С вашей помощью, конечно. Принято.

Значит, в скором времени у нас есть шанс попасть в переделку. Меня одолевали сомнения насчет «моей прелести» – бесподобной катаны. Чудесная в бою, она, между тем, была сакральным оружием сестричества. Как в башне воспримут, что стальным мечом (и, кроме того, непробиваемой кольчугой) владеет личность непонятного статуса? То, что должно помочь в случае неприятностей, их же и притянет. Не лучше ли взять с собой в башню что-то другое, не столь вызывающее?

Дядя Люсик и Малик проблемы, как мне кажется, не видели, иначе уже сказали бы. Наверное, я волновался зря. Оружие сестер мало кто видел обнаженным, его даже носили строго под плащами, откуда иногда выглядывал лишь кончик ножен.

– Катану лучше оставить у ребят, – Малик кивнул в сторону растянувшейся шестерки рыцарей. – А кольчугу не видно, ее можно оставить. Даже если увидят, можно сказать, что нашел, кольчуга – не оружие, наказания за неправомерное ношение не существует.

Вот и ответ. Я успокоился окончательно. Впрочем, нет, в голову сразу полезли мысли, как же драться тяжелым неуклюжим мечом, если дело дойдет до схватки. Это же как с мотоцикла пересесть на велосипед. Причем, у велосипедистов-противников опыта будет поболее моего.

Чтобы настроить себя на позитив, я представил, каково было бы спецназовцу, если перед битвой у него отнять автомат и вместо него дать бронзовую дубину.

А в руках Малика неподъемный меч казался включенным на полную мощность вентилятором. Вот и пример. Малик воюет тем, что под руку попало, и не жалуется. И я не буду. Но как же приятно было чувствовать себя непобедимым супергероем, имея в руках оружие из будущих веков...

Башня показалась вдали примерно через час – серая дымчатая громадина почти в облаках. Внизу ее окружал небольшой деревянный поселок. Еще через полчаса стало видно, как широкая прямая дорога упирается в мощные ворота.

Шестерка рыцарей осталась на ночевку в ближайшем лесу, а мы втроем прошли как можно ближе, осторожно выглянули из кустов...

...и отпрянули обратно. Ворота башни открылись, оттуда выехала кавалькада вооруженных всадников, к которым присоединились еще несколько, из поселка. Все они рысью двинулись по дороге в нашу сторону. Когда всадники проезжали мимо, дядя Люсик прокомментировал:

– Царисса Анисья с тремя мужьями, десятком войников и войниц и несколькими бойниками. Видите Шурика?

Мы видели. Он неплохо держался в седле, рука сжимала копьё, серьезное лицо глядело вперед. Эмоции с такого расстояния не просматривались, но создавалось ощущение, что их не было. Шурик стал частью системы, полностью влился в нее и ничем не выделялся. Просто молодой муж достаточно молодой правительницы – всему обученный, вышколенный, старательный. Я бы даже употребил слово «выдрессированный».

– Пешими ни догнать, ни перехватить не получится. – Глаза Малика превратились в щелки, изнутри полыхнуло темным огнем.

– И не надо. – Дядя Люсик проводил Шурика нежным взглядом и, когда вдали осталась лишь клубившаяся пыль, тихо вздохнул. – Пойдемте в башню. Сейчас нам нужна информация, а за Шуриком мы еще вернемся.

Нас заметили издалека. Из темноты окон в домах за нами наблюдало множество глаз, а в бойницах башни произошло движение – копейщики заняли боевые позиции.

Остановившись как раз на расстоянии прицельного броска, дядя Люсик громко объявил:

– Я – школьный распорядитель папринций Люсик, со мной двое спутников, которых я не могу оставить в поселке, поскольку обязан сопровождать лично. Прошу гостеприимства.

Прошло несколько томительных секунд, после чего тишина сменилась скрежетом, окопанные створки ворот захрятели, решетка за ними с металлическим лязгом поползла вверх. Изнутри донесся знакомый тонкий голос:

– Приветствую. Предлагаю ночлег и стол уважаемым папринцию и его спутникам, с одним из которых я хорошо знакома, а о втором наслышана. В другое время вам пришлось бы остановиться снаружи, но царисса Анисья находится в отъезде, и хозяйка башни сейчас я – царевна Ефросинья. Свободного места много, всех разместим с удобствами. Добро пожаловать.

«Хозяйка башни» прозвучало хвастливо и как бы с неким намеком. Я тихо сказал:

– Мне немного не по себе. Боюсь провокаций. Пока я вел царевен из плена, Ефросинья показала себя с такой стороны, что лучше не вспоминать.

– Она девочка своеобразная, – признал дядя Люсик. – Постараюсь не дать тебя в обиду.

– Я не о себе!

– И себя не дам.

– А я, если что, – так же тихо, практически не двигая губами, проговорил Малик, – сам так дам, что мало не покажется.

– Покажется, – прошептал я.

Дядя Люсик сжал мою руку:

– Не полируй себе кровь и выпусти пар из ушей – я все понял и приму меры.

Мы шагнули вперед.

Глава 2

Для визита в башню я выглядел вполне прилично: бронзовый меч, доспехи, шлем, сапоги, юбка. Дядя Люсик по-другому и не одевался – титул обязывал и давала о себе знать усвоенная в новом мире привычка. В юбке он чувствовал себя комфортно, как истинный шотландец. Малик же отказу от штанов воспротивился.

– Пусть лучше живьем зажарят, – сказал он в лесу перед выходом. – До сих пор принимали таким, как есть, что мешает делать это дальше?

Дядя Люсик поморщился, но кивнул:

– Для амнистированного разбойника это нормально – выглядеть не так, как добропорядочные граждане. Пусть у кого-то появится повод посмеяться, а большинство примет за милое чудачество. К тому же, грозный воин в женском платье – как бы и не воин вовсе. Что смешно, то не опасно.

На входе в башню дядя Люсик прошептал нам инструкцию поведения на ближайшее время:

– Говорить буду я. Без повода рот не открывать, если спросят – отвечать кратко, если вопрос спорный, то предельно туманно, а раскрытие темы отфутболивать мне. Мы выдаем себя за честных прохожих, и если бы, как обычные уважаемые люди, шли по дороге, то обязаны быть в курсе событий, а мы, как вы понимаете, совсем не, и это печально. Забаву, как мне думается, не объявляли – туда отправляются полной семьей, а здесь осталась царевна. Причина общегосударственной суеты остается непонятной. Прямым текстом об этом спрашивать нельзя, будем выкручиваться на месте.

Солнце садилось, в башне горели факелы. С внутренних стен – из специальных выемок и с уступов над закрывавшимися воротами – из прорезей масок за нами наблюдало несколько бойников-копьемосцев. Наконечники копий смотрели в нашу сторону: мы еще не доказали благонадежность, и хозяйской команды сменить подозрительность на доброжелательность, как стало понятно, на этот момент не прозвучало.

Даже мне, человеку другого мира, было видно, что охранявшие башню «воины» (именно так, в кавычках) – не профессионалы, они оставлены по принципу «кого не жалко», из неумех и даже, возможно, инвалидов. Настоящих бойцов Анисья увела с собой. Значит, где-то появилась настолько большая угроза, что собственную вотчину в середине страны оставили почти без охраны. С такими «умельцами», которые грозили нам здесь оружием, не справится разве что дядя Люсик из-за возраста, да и то неизвестно, моложе ли спрятавшиеся за масками и балахонами защитники, оставленные цариссой.

Если это заметил я, то Малик и подавно. Его глаза вспыхнули, широкие плечи слегка сдвинулись, словно принимая боксерскую стойку, ноги напряжились. Дайте повод, и «в порядке самозащиты» власть в башне быстро поменяется.

Все это увидел и дядя Люсик. Он успокаивающе коснулся нас ладонями:

– Не забудьте поблагодарить хозяйку, она сделала нам великое одолжение.

– О чем не преминула сообщить, – буркнул Малик.

Слышимость была уже достаточной, чтобы упомянутая хозяйка могла что-то понять, поэтому дядя Люсик говорил предельно дипломатично, а слова Малика могли показаться грубостью. Впрочем, он – рыцарь, дикий разбойник из крепостных, какой же витиеватой куртуазности ждать от такой личности?

Даже если Ефросинья что-то расслышала, это осталось незаметным. Она встретила нас на ступенях лестницы – невысокая, худенькая, со жгучим взглядом мышинных глаз-бусинок и полоской крепко сжатых губ. Плечи покрывал затянутый до горла длинный, до пят, дорожный плащ, под которым могло оказаться что угодно, даже домашний халат. Скорее всего, царевна

накинула первое, что попало под руку, чтобы как можно быстрее выйти к неожиданным посетителям.

Ефросинья гордо вскинула подбородок:

– Проходите, будьте моими гостями. После того как разместитесь и помоеетесь, жду вас к ужину. – Поднявшись три шага по винтовой лестнице, она указала на первую из дверей. – Это комната для папринция, а его спутников прошу пройти выше.

Царевна сделала шаг на следующую ступень, а мы остались на месте.

Дядя Люсик прокашлялся.

– Уважаемая царевна, мне запрещено оставлять сопровождаемых лиц одних.

На обернувшемся лице Ефросиньи мелькнуло подавленное силой воли неудовольствие.

– Не беспокойтесь, без присмотра их не оставят. Оба разместятся в комнатах справа и слева от моей, а на лестнице, неподалеку от дверей, всю ночь будут дежурить часовые. Отдыхайте, вы, должно быть, устали с дороги.

По-прежнему не двигаясь с места, дядя Люсик стоял на своем:

– Уважаемая царевна Ефросинья, я понимаю вашу заботу и искреннее желание сделать как лучше, но мне запрещено оставлять сопровождаемых лиц одних.

Мы с Маликом, как набедокурившие и защищаемые мамой подростки, молча глядели из-за спины папринция. При этом мы не были подростками. Даже я, как ни странно. В моей технологически развитой цивилизации взрослые меня в расчет не принимали, а здесь, в мире натурального хозяйства и холодного оружия, я считался полноценным бойцом и личностью равной многим другим. Причем, даже равнее некоторых, не вышедших рангом и не столь облагодетельствованных судьбой.

Ситуация зависла. Чтобы сохранить статус хозяйки положения, для «сохранения лица» Ефросинье требовалось что-то делать. Она скривила губы:

– Мне не доставит хлопот использовать лишние комнаты и выставить дополнительную охрану. Можете не переживать: ничего не случится, я с удовольствием возьму на себя часть ваших забот.

Она уже сердилась. Кисти сжались в кулаки. Голос уже не сообщал, а распоряжался.

Дядя Люсик оставался непреклонным:

– И все же мне придется настоять. Это выше меня и моих желаний. Я отвечаю головой за исполнение приказа, и если Чапа Тамарин или Малик Носатый совершат что-то непотребное, вина ляжет на мои плечи.

А я как раз боялся, что, оставшись со мной наедине, нечто непотребное устроит царевна, а вину свалит, естественно, на меня. С нее станется. А поверят потом, естественно, хозяйке, а не разыскиваемому преступнику, пусть и прикрывшемуся фиговым листком амнистии.

Губы царевны вдруг растянулись в хищную улыбку:

– После того как Тома не вернулась из крепости, ее имущество временно передали во внешнее управление, а семью расформировали. Чапа теперь не Тамарин. Былые договоренности не имеют силы, и вы, папринций, свободны от прежних обязательств.

– До тех пор, пока из крепости не придет новый приказ, я ценой жизни буду выполнять предыдущий.

– Ладно, располагайтесь вместе. Поговорим за ужином. – Ефросинья отправилась вверх в одиночестве. Донеслось сказанное ею под нос – тихо, но с прицелом, чтобы те, кому надо, расслышали: – То есть, Чапа теперь не невестор. Это кое-что меняет.

Я будто слизняка проглотил: в желудке засосало, горло свело неприятным спазмом, захотелось сплюнуть.

Малик распахнул дверь в комнату, мы вошли.

Дядя Люсик сразу указал на стены и на свои уши: откровенничать в гостеприимных покоях не стоит. Малик отправился за одну из двух занавесок, а я оглядел помещение.

Ничего нового. Безликие затертые ковры на полах и стенах, многочисленные цветы в кадках на полу, словно мы попали в оранжерею, чудовищно огромная кровать – почти квадратная, с четырьмя устроенными буквой Ш спальными местами. По углам к кровати примыкали четыре стула для вещей и оружия. За занавесью, как во всех виденных мною комнатах других башен, находилось гардеробное помещение с дополнительными подушками, одеялами, простынями, полотенцами, халатами и войлочными тапочками, а рядом, за второй занавеской, располагалась уборная с дыркой в полу. Высоко, почти под потолком – окошко-бойница, оно же вытяжка для дыма восьми факелов, горевших попарно на каждой из стен. Стены состояли из чуть обработанного камня, пол – тоже каменный, но, в отличие от стен, ровный. В комнате не было ни одного предмета для души, только самое необходимое. Вспомнился состоявшийся так давно, что будто это было в прошлой жизни, разговор с цариссой Варфоломеей:

«Засеять больше полей, выпустить больше товаров, обменять их на что-то полезное у других царисс...» – пылко предлагал я, казалось бы, очевидное.

«Сделать подарок новой хозяйке?» – хмыкнула в ответ Варфоломея.

«Себе. Своей семье».

«Пусть лучше крепостные вспоминают меня добрым словом. Вдруг вскоре вернусь?»

А Зарина по ее просьбе дополнила:

«Каждый год великие семьи прибывают в крепость, привозят оброк и бьются за вотчины. Добывшие лучшую вотчину и потерявшие старую домой уже не возвращаются».

«А вещи?...» – поинтересовался я.

«Только то, что с собой. Много вещей – позор для семьи. Главные вещи в жизни – не вещи».

Тогда я понял, почему владелицы никак не усиливают башню, не копят лишнего, не утруждаются строительством или обустройством. Чтобы не досталось соперницам. А я-то думал вначале: какие молодцы, у них везде минимализм, экономия, забота о народе... Нет, лень, соперничество и эгоизм!

В комнатах Дарьи хотя бы картины висели. Здесь, кроме общепринятых в этом мире элементарных удобств, не было ничего.

В дверь постучали.

– Войдите! – разрешил дядя Люсик.

Два бойника внесли три исходивших паром ведра и высокий таз с черпаком. Дядя Люсик собрался уже поблагодарить и объявить, что мойщики не нужны, но никто и не навязывался: не говоря ни слова, бойники удалились.

– Ага, почувствуйте себя как дома, но не забывайте, что вы в гостях, – прокомментировал дядя Люсик.

Вышедший к тазу Малик объявил:

– Если не возражаете, я первый.

Естественно, возражений не было. У меня в черепе дул сквозняк, душу бил ледяной озноб.

– Дядя Люсик, – тихо сказал я, – меня сейчас могут сосватать.

– Не позволю, – попытался он успокоить, но в голосе, к обоюдному сожалению, мелькнула неуверенность. – Отдыхай.

Отдохнешь тут. Попал из огня да в полымя. Если снова назваться невестором, то Заринным, другие варианты не рассматриваются. Но Зарина – святая сестра, ей не положено иметь семью. Мне же, чтобы легализоваться, нужно к кому-то приткнуться. Проблема в том, что фиктивное невесторство, как с Томой, с другими не пройдет. Вот если бы меня каким-то образом взяли в чью-то семью не через брак, а обычным войником...

Надеяться на это глупо. Малик прав, проще воевать с местной системой и, если останешься жив, переделать ее под себя, чем влиться и стать незаметным винтиком.

И все же. Могу ли я рассчитывать на понимание со стороны царевен? Ко мне хорошо относились Кристина, Майя, Амалия... Можно ли кому-то из них довериться? После того, что не по моей воле случилось около озера, мне теперь им в глаза смотреть стыдно. И каждой из них, наверняка, на ум придет та же мысль, что и Ефросинья. Зачем упускать неплохой и ныне бесхозный экземпляр уже испытанного «самца обыкновенного»?

«Мужчина не личность, он функция, – в свое время объясняла мне Варфоломея местные особенности. – Мужчина не может родить, он не может знать, его ли семя победило в гонке на выживание, поэтому мужчины – всегда младшая рабсила, повара, вся обслуга...»

Я – функция. С точки зрения царевен, относиться ко мне следует соответственно, и если они зависели от меня после освобождения из плена и радовались, что очень своевременно им встретился умелый интересный парень, то сейчас, в безопасных вотчинах, отношение переменится. Они сочтут, что двуногий гаджет этого типа в хозяйстве может пригодиться.

Проще всех было бы с Марианной. Она вернулась из-за реки, у нее горе, и моя кандидатура человека, который поймет и поможет, подошла бы идеально. Если б только не неугомонная мамаша Марианны...

Вот именно. Вычеркиваем.

Еще меня достаточно тепло воспринимали Клара, Александра, Любава и Феофания. С ними, как мне кажется, общий язык тоже найдется. Если постараться. Но дадут ли мне постараться? Когда топор, вместо того, чтобы колоть дрова, начинает разговор, что он как бы не совсем топор и ему нужны особые условия – что сделают с таким топором?

Вот и я не знаю. А то, что приходит в голову, оптимизма не внушает.

Три из оставшихся спасенных царевен – Анна, Ираида и Софья – «темные лошадки», об их внутреннем мире я ничего не знаю, и чего от них ждать – тем более.

Ярослава – тот еще фрукт, ей палец в рот не клади. Хоть и сестренка нашего Юлиана, а настолько себе на уме, что братцу сто очков вперед даст.

Варвара? Она меня живьем съест – за все хорошее и прочее. За то, что не принимал ее сторону, когда она могла победить, и был свидетелем поражений. Договориться с ней о чем-то можно в одном случае – сделать для нее лично что-то непредставимое в обмен на временную лояльность к моим проблемам. Но затем потребуют новый подвиг, через некоторое время – новый, и так до бесконечности.

Антонина... Эта меня просто в желчи утопит. Она эгоистична, проста, опасна, хотя и предсказуема. С ней не договоришься, потому что любая договоренность будет соблюдаться, пока выгодно второй стороне, а мои проблемы в качестве проблем даже в расчет братья не будут.

Ефросинья же, последняя в списке знакомых мне царевен, – худший вариант из возможных. Она уверена в собственном превосходстве. Я для нее – безвольная кукла, чье мнение не спрашивают, потому что у кукол не должно быть мнений, их мнения – мнения хозяек, которые с куклами играют.

Вот такой расклад. Понятно, почему поджилки трясутся.

На ужин нас пригласил мужской голос из-за двери, о форме одежды не сообщили. Дядя Люсик посоветовал идти в доспехах без оружия. Приведя себя в порядок, мы вышли. В обеденный зал нас проводили два ожидавших снаружи бойника. Один, показывая дорогу, с факелом поднимался по лестнице, второй замыкал процессию – контролировал поведение странных гостей, чтобы, если что, поднять тревогу.

Ефросинья встретила нас в парадной амуниции. Невероятной красоты доспех блестел как новый, но изысканность старины не спрячешь отдраенной поверхностью, древность проявлялась в потемневшей коже и вековой потертости узоров. Видимо, изготовленный великим мастером комплект долго передавался по наследству или был получен другим путем, не столь

безобидным, – например, достался в виде трофея. Не исключено, что, как Гордеевский нож, это рукотворное диво выковали в землях живущих за горами «оружейников».

Надетая поверх рубашки кожаная основа сверкала рядами нашитых внахлест бронзовых пластинок, издали это походило на переливавшуюся в языках пламени чешую. Бедрa опоясывала юбка в том же стиле. Как и выполненные в виде драконьих пастей наплечники, она висела чуть мешковато – явно рассчитывалась на мадмуазель более мощной комплекции. Или на парня. Взрослой цариссе такое не надеть, она просто не влезет, а молодому человеку вроде того, каким, скажем, был я по прибытии на причал – в самый раз. Ременную португепю сплошь покрывали защитные пластинки с геометрическим орнаментом, к португепе крепились меч в инкрустированных ножнах и парно с ним изготовленный длинный нож. Чересчур стянутые ремнями широкие поножи и наручи, как и съехавший на уши островерхий шлем, тоже выдавали в изначальном обладателе доспехов более крепкую особу, чем нынешняя владелица.

Ефросинья поправила съезжавший на лоб шлем и гордо повела плечами:

«Видите, какой я могу быть? То нелепое тщедушное создание с неприятной улыбкой и тонкими губами, которое вы, глядя на меня, представляете – не я. Настоящая я – вот эта суперменша невероятных вида и возможностей».

Ну-ну. А самое для меня прискорбное, что царевна не ходит в таком облаченье постоянно, то есть именно для нас постаралась. Точнее, для меня. Значит, сейчас что-то будет.

За накрытым столом вдоль одной стороны сидели три мальчишки лет от семи до десяти – непохожие друг на друга, разных цвета волос, телосложения и формы лица.

– Мои братья, – представила Ефросинья, – Иона, Брючислав, Антип.

Во главе стола рядом со старшим из братьев оставалось место, и царевна, как заместительница хозяйки, села туда. Нас пригласили на лавку по другую сторону. Первым, согласно титулу, расположился папринций, вторым я – как пусть бывший, но невестор цариссы. Малик присел последним – напротив младших братьев Ефросиньи.

Они, едва сдерживая улыбки, «незаметно» тыкали друг другу пальцами в штаны на нашем джигите. Ефросинья громко осадила:

– Вам смешно, потому что не понимаете, кто перед вами находится. Это знаменитый вождь рыкцарей Малик Носатый, и если он сейчас здесь, то Верховная царица помиловала его, или он идет просить об этом. Думаю, сейчас нам все расскажут. Одевшись как женщина, Малик Носатый дает понять, что его положение выше обычного разбойничьего сброда и что он им не чета. По его одежде сразу видно, что он – командир.

Неплохое объяснение. Кажется, в своем нежелании соблюдать местные обычаи Малик отныне будет ссылаться на подсказанную Ефросиньей причину.

– У Малика Носатого должен быть огромный меч! – не удержался мелкий Антип.

– Он остался в комнате, которую нам любезно предоставила хозяйка. – Малик на миг уважительно склонил голову в сторону Ефросиньи.

Употребление слова «хозяйка» по отношению именно к царевне, без лишних дифирамбов отсутствующей цариссе, Ефросинье, безусловно, понравилось. В ее задумчивом взгляде проскользнула благосклонность.

Малик вновь повернулся к мальчишкам:

– Приходите после ужина, покажу.

– Можно?! – Братья вскинули умоляющие взоры на сестру.

– Подумаю, – сдержанно ответила та.

Дядя Люсик осторожно вбросил:

– В мой прошлый визит ваш последний оставшийся в живых дедушка болел, и я не смог с ним познакомиться...

– Позавчера он умер, – перебила Ефросинья. – Вчера увезли на кладбище.

– Приношу соболезнования. – Дядя Люсик сочувственно опустил лицо.

Мы с Маликом сделали так же.

Еще одна ниточка оборвалась. Теперь не узнать правды, откуда и как пришли беловолосые: Юлиан почти ничего не помнил, а Ярослава младше него и во время бегства с родины, наверное, еще под стол пешком ходила. Если пересечемся с ней, то я, конечно, поинтересуюсь, но на информативный ответ рассчитывать не стоит.

Наше сочувствие Ефросинье оказалось не нужно.

– Рано или поздно все там будем, жить надо здесь и сейчас. Дед пожил, теперь наша очередь.

Глубокомысленно-философское начало речи напрочь перечеркнула себялюбивая концовка. Дядя Люсик вздохнул, мы с Маликом переглянулись.

– Царисса Анистья, как я понимаю, вернется нескоро... – начал дядя Люсик и умолк.

Ответ Ефросиньи мог разъяснить, куда и зачем отправилось боеспособное население башни, а мог и перевернуться в обратное: «Зачем вам моя мама, какое у вас к ней дело, и что вы, собственно говоря, делаете так далеко от дороги между школой и крепостью?» Врать про некий секретный приказ Верховной царицы можно долго, в стране башен нет единой базы данных, но когда-нибудь такая ложь выйдет боком.

Я, Малик и дядя Люсик замерли: в какую сторону качнет царевну?

Ефросинья взяла в руки ложку, что послужило сигналом к началу трапезы.

– Кушайте, не стесняйтесь, у нас не отравят, – сказала царевна с улыбкой и показала пример.

Дальше она говорила уже с набитым ртом, и, кстати, это ее не волновало. Возможно, местные правила этикета отличались от тех, что знакомы мне с детства. Возможно и другое – что Ефросинья хочет больше чем умеет, а о том, что чего-то не знает, она просто не догадывается.

– Мама уехала, теперь я здесь хозяйка, – гордо продолжила она. – А сейчас, папринций, объясните, в каком качестве здесь присутствуют два ваших спутника.

Я ощутил, как рядом напрягся Малик. Мой взгляд остановился на лежавшем около Ионы ноже. Пропадать – так с музыкой, как гласит старая поговорка.

Сидевшие напротив нас трое братьев молча скребли ложками, они предвкушали скорое развлечение, а о том, что приключения, возможно, начнутся еще до конца ужина, даже не догадывались.

Дядя Люсик молча протянул царевне свиток с подписанной Верховной царицей амнистией.

Ефросинья читала долго. Видимо, перечитывала и одновременно думала. Сомнений или отчужденного неприятия на лице не возникло, только замешанная на собственных заморочках глубокая сосредоточенность.

О том, в какую сторону кренились главная мысль Ефросиньи, можно было понять еще из вырвавшихся на лестнице слов.

– Чапа – уже не Тамарин, – заговорила она, – такой семьи больше не существует. Что из этого следует? Он временно свободен от обязательств. Я хочу это исправить. Возраст еще не позволяет подать заявление в храм, но я требую, чтобы отныне Чапа, бывший невестор Тамарин, считался объявленным невестором Ефросиньиным.

Братья царевны перестали жевать и застыли с открытыми ртами.

– Чьим быть Чапе, – спокойно ответил дядя Люсик, – будет решать Верховная ца....

– Кстати, – перебила что-то надумавшая Ефросинья. Ее взгляд перескочил на Малика, выражение глаз изменилось: в них появилось нечто новое, с разгорающимся огоньком и чертиками в разворошенном омуте. – Я хочу, чтобы амнистированный разбойник Малик Носатый отныне и навсегда, для всех и каждой тоже назывался невестором Ефросиньиным. Это

официальное заявление, и да будет так. Пусть мама узнает, что усилить семью можно даже не выходя за стены башни.

На лице довольной собой царицы расцвела победная улыбка.

Глава 3

Где-то поблизости – не в обеденном зале, а, скорее, на лестнице или в соседних помещениях – верещал, жалуясь на жизнь, звонкий сверчок. В окошки-бойницы с шорохом задувал ветер. Из-за внешней стены башни было слышно, как в поселке визгливый женский голос истерично отчитывал нерадивого мужа. А когда Иона потер ладони, от неожиданности все обернулись на него, отчего парнишка жутко покраснел.

Долгую паузу нарушил дядя Люсик:

– Делать судьбоносный выбор лишь для того, чтобы угодить маме или доказать ей что-то...

Ефросинья скривилась, будто вместо апельсина откусила грейпфрут, но ответить не успела и тоже застыла с открытым для возражения ртом, поскольку в разговор внезапно встрял Малик.

– Если мне дозволено будет сказать, – медленно и весомо проговорил он, – то я хочу поблагодарить царевну за мудрый выбор и поддержать в нем. Она – будущая глава семьи, ее надежда и опора. Царевна Ефросинья уже сейчас руководствуется в решениях не личными хочущками, а общими интересами, что говорит о многом. Я вижу в молодой царевне огромный потенциал. Мое мнение, конечно, особой роли не играет, но прошу учесть, что я готов подождать, сколько требуется, чтобы в качестве одного из будущих мужей помочь ей достичь вершин, которых, как я нисколько не сомневаюсь, она заслуживает. – Малик положил ложку в опустевшую тарелку и поднялся во весь чудовищный рост, отчего показалось, будто в холмистой местности землетрясение вытолкнуло из недр грозный каменный пик. – Мне очень лестно внимание юной царевны к моей скромной персоне. Я готов делом доказать, что ее выбор – мудр и оправдан.

Когда дело касалось чего-то важного, Малик умел находить нужные слова. Наверное, потому он и стал вождем – не за силу мышц, которая в избытке встречалась у многих, а за силу слова, сказанного нужным людям в нужное время.

Удовольствия на лице Ефросиньи хватало, чтобы на пару веков сделать счастливыми несколько стран средних размеров.

– Мне приятно это слышать. – Она оглядела пустые тарелки на столе и тоже поднялась. – Мой избранник покажет нам свой меч?

Достаточно было приказать, но царевна спрашивала. И у меня возникло подозрение, что она хочет сказать больше, чем говорит.

– Мой меч всегда к услугам моей госпожи. – С прижатой к груди рукой Малик низко поклонился.

В самой нижней точке он чуть повернул голову и подмигнул мне. Я выпятил нижнюю челюсть, стараясь соорудить на лице максимально суровое выражение. Только бы не засмеяться.

События повернулись так, что обо мне забыли. Ничего лучше не придумать.

Для меня – да. А для Малика...

Ежкин кот, да он же видит дальше нас всех! Отныне Малику и любым легальным спутникам, которые будут его сопровождать, вход в башню, где живет Шурик, открыт. То, от чего я всеми конечностями отбрыкивался, нам оказалось нужно. Малик взял удар на себя.

Глядевшая со своей внутренней колокольни, Ефросинья сияла от счастья. Она видела случившееся по-другому.

Другое дело, как намерение о помолвке с бывшим вождем разбойников воспримет царисса Анисья. Никто не гарантирует, что позже не придется пожалеть. Но это позже, а сейчас

маневр Малика дал нам еще один шанс вернуть Шурика с минимальными жертвами, а то и без них. У дяди Люсика выпрямилась спина, глаза заблестели. Он тоже склонился в поклоне:

– Я рад, что все так удачно устроилось.

Иона, Брячислав и Антип вскочили:

– Ну пойдемте же уже!

Походкой коронованной императрицы Ефросинья вышла из обеденного зала первой, все последовали за ней.

В нашей комнате Малик попросил мальчишек принести ему стоявший около стула меч. Они бросились втроем, старший распахнул мелкий, взялся правой рукой за длинную рукоять и, левой с трудом удерживая тяжелую ношу на весу, подал меч владельцу. В руках Ионы оружие больше походило на вырванный из земли столб.

– Спасибо. – Малик прокрутил вынутым из ножен «столбом» свистящие восьмерки, при этом умудрился не задеть ни мебели, ни пола, ни потолка, ни, самое главное, никого из присутствующих. Хотя, кое-кого, на мой взгляд, стоило бы, желательно – по голове, и так, чтобы там больше ни одной мысли в прежнем духе до конца жизни не возникло. – Надеюсь, в скором времени мои умения пригодятся.

Мы с дядей Люстиком наострили уши: разговор вновь вышел на нужную тему. Проговорится ли царевна о происходивших снаружи событиях?

Прогодали. Ефросинья, как обычно, думала только о себе.

– Конечно, пригодятся. Прошу знаменитого вождя рыцарей дать мне урок обращения с этим видом оружия. В школе нас такому не учили.

– В школе... – начал дядя Люстик.

Ефросинья перебила, глядя только на Малика:

– Мы сейчас не в школе. Мешать вашим спутникам мы не будем, поэтому пройдем в мою комнату...

Малик вставил меч в ножны и в очередной раз поклонился:

– Как я уже сказал, мой меч всегда к услугам моей госпожи. Все, что я знаю и умею, станет собственностью моей хозяйки, но сейчас я прошу возможности отдохнуть после долгой дороги.

– И вставать нам очень рано, – прибавил дядя Люстик. – Мы уйдем на рассвете. Без лошадей идти долго и трудно...

Он снова сделал многозначительную паузу.

Царевну всячески выводили на тему потрясших страну событий. Защищать башню царисса оставила хилых и старых, а это значило, что все необходимое для войны отбыло в неизвестном направлении, и свободных коней, скорее всего, в башне и поселке не найдется.

Ефросинья намеков не понимала, ее занимали только личные проблемы.

– Хорошо, мы займемся этим, когда ты вернешься, – кивнула она. – Буду ждать решения Верховной царицы. Лошадей дать не могу, вы сами знаете, что творится вокруг и где лошади теперь нужнее. – Царевна достаточно искренне вздохнула. – Жаль, что уже поздно, я бы не отпустила вас без рассказа о похождениях. К счастью, – ее лицо вновь расплылось в улыбке, – это не последняя наша встреча.

Я предпочитал молчать. В сложившихся обстоятельствах лучшее для меня – быть незаметным. Я бы и дышать перестал, если б умел.

Но как я ни прятался за спиной дяди Люсика, глаза Ефросиньи выцепили меня и оживились:

– А Чапа...

– Моя госпожа, – рискнул перебить Малик с еще одним уважительным и почти душевным поклоном, – позвольте ли человеку, тоже немного умеющему смотреть вперед, высказать мнение, которое может помочь в одном из главных жизненных выборов?

– Говори, – разрешила Ефросинья тоном королевы, готовой как миловать, так и карать.

– Сегодня вы сделали один судьбоносный выбор, и любой подтвердит, что решение было правильным, если смотреть на годы вперед. Возможно, сейчас вы захотите укрепить семью еще одним мечом, хорошо вам известным и, как мне кажется, не менее достойным. И если брать сегодняшний день, то это будет тоже правильно. Но впереди – долгая жизнь. Возникающие на пути в величии новые проблемы желательно решать по мере необходимости. Мне, как лицу заинтересованному, кажется, что не стоит сразу связывать себе руки, тогда в будущем не придется тратить силы на сумку без ручки, которую и нести неудобно, и выбросить жалко.

Я чувствовал, как у меня запылали уши. Это я-то сумка без ручки? Обидно слышать, пусть подсознательно и понятно, что таким образом Малик меня спасает.

Ефросинья думала недолго.

– Именно это я и хотела сказать, – царственно заявила она. Ее направленный на меня собственнический взор угас, через миг в нем не осталось ничего, кроме отстраненного высокомерия. – Чапа, в другое время ты тоже мог бы рассчитывать на мою благосклонность, но сейчас, когда будущее нашего общества покрыто мраком, я не могу брать под свое крыло первого встречного. Мое предложение отменяется. Ты человек способный и удачливый и, я уверена, однажды составишь партию кому-нибудь из высшего сословия. Могу навскидку назвать несколько общих знакомых, которые не прочь заполучить тебя в невесторы. Впрочем, ты их и сам знаешь. Значит, мы еще не раз встретимся в гостях или на забаве. Возможно, у нас даже получится вместе вспомнить времена, когда ты думал, что быть Тамариным – это здорово. А я уже тогда говорила тебе, что ничем хорошим это не кончится. Подумай об этом. – Ефросинья обернулась к дяде Люсику: – Папринций, красивых снов.

Голова царевны качнулась в сторону выхода. Три брата поняли это как прямое указание и продемонстрировали чудеса многолетней дрессировки, первыми покинув комнату – безмолвно и чуть ли не строем. Последовавшая за ними царевна остановилась в дверях:

– Малик, у меня в последнее время постоянная бессонница, и если тебе тоже будет плохо спать – вспомни про обещанный урок. Я распоряжусь, чтобы тебя пропустили.

Мы остались одни.

Малик шепнул:

– Если нужно бескровно захватить башню и высокопоставленную заложницу, лучший день для этого – сегодня. Такой трофеем можно сменять на кого и на что угодно. Жаль упускать такой случай. – Он вздохнул. – Но придется.

– Наше время еще не пришло, – подтвердил дядя Люсик.

– Тогда, быть может, все же сходить в гости, посмотреть, как там что и где? – Малик указал взглядом вверх.

– Все башни сделаны одинаково, – проворчал в ответ дядя Люсик, – эта ничем не примечательна, и мы вроде как не собираемся брать ее штурмом ни сейчас, ни потом. Вот если бы ты узнал то, зачем мы пришли...

– Могу попробовать разговорить красавицу. – Малик задумчиво куснул губу. – Впрочем, нет. Риск того не стоит. – Он повернулся ко мне: – Царевна очень религиозна?

Я уловил суть вопроса.

– Тебя интересует, как она относится к чертям? Услышит прилюдно – тут же сдаст с потрохами, а наедине извлечет из ситуации максимум. Деда своего она же не сдала, хотя он явный пришелец откуда-то.

– Получается, что если нарыть на нее подходящий компромат, то можно договориться о чем угодно?

– Думаю, да, – признал я.

Едва слышно перешептываясь, мы раздевались, настало время ложиться в постель. Я занял место слева, дядя Люсик – справа. Малик, потушив факелы, расположился в ногах поперек.

– А что это за времена такие, на которые намекала царевна? – спросил он меня и жеманно выговорил, подражая голосу и манере Ефросиньи: – «Возможно, у нас даже получится вместе вспомнить времена...»

Хорошо, что темно.

– Царевна уже подбивала ко мне клинья, а я уперся.

Вдаваться в подробности не хотелось.

– Тогда все ясно. – Малик умолк.

Сразу же заговорил дядя Люсик:

– А кто еще не прочь заполучить тебя в семью? Огласите, пожалуйста, весь список.

– В этом качестве невестора меня примеряли на себя все спасенные из плена царевны.

– Все пятнадцать?! – Брови Малика поползли вверх.

Пусть и незаслуженное, но произведенное впечатление мне понравилось. Я как можно небрежнее пожал плечами:

– На безрыбье, как известно, и рак рыба.

– Слова не мальчика, но мужа. – Дядя Люсик зевнул. – Спокойной... пардон, кажется, я по дому соскучился. Красивых снов.

Спать в кровати оказалось не просто замечательно, а... не знаю как. Потому что я ничего не почувствовал: веки только-только прикрылись, а дядя Люсик уже тряс за плечо:

– Подъем. Уехать нам лучше раньше, чем хуже позже.

Он поднял нас задолго до рассвета. Несколько ночных часов пролетели быстрее секунды, тело требовало продолжения банкета, то есть сна, голова не работала. Не слушались мышцы.

Это никого не волновало. В том числе и меня. Человек ко всему привыкает, а слово «надо» – главное слово, которому, будь моя воля, я учил бы детей раньше, чем долгожданным для любого родителя «папа» и «мама». Если ребенок проникнется смыслом «надо», то большего родителям не требуется, они проживут счастливую жизнь. Ученые спорят, как появился человек разумный: взяв в руки палку или приручив огонь? То и другое – фигня, на самом деле только «надо» делает человека человеком.

Царевна Ефросинья провожать не вышла, хотя ее известили о нашем отбытии. Вернувшийся бойник сообщил:

– Хозяйка желает доброго пути и успешного решения всех проблем. По возвращении цариссы Анисьи предложение о невесторстве будет подтверждено, а если это по каким-то неизвестным ныне причинам невозможно, то отозвано. В любом случае царевна Ефросинья дождется известий из крепости о новом статусе объявленного невестора.

Нам отперли ворота, и башню мы покинули в темноте, тишине и промозглой предутренней свежести. Все же сон в кровати, ужин за столом и, в целом, жизнь под крышей очень расхолаживают.

На востоке занималась только-только проклюнувшаяся заря, над лесами и уходящей вдаль дорогой слегка розовело, и радовало, что дальнейший наш путь лежал именно туда. К свету. Я бы даже сказал «к Свету». Из окружавшей нас тьмы – к чему-то лучшему.

Умею же я себя успокоить. Получалось не всегда, но когда получалось, я чувствовал себя гением аутотренинга и нейролингвистического программирования. Самое чудесное – это когда теория становится эффективной практикой при почти нулевом знании теории. Разве не повод в очередной раз восхититься собой? Сам себя не похвалишь – никто не похвалит.

Главное в таком случае – не зазнаться. Выше прыгнешь – ниже падать. И больше. Проверено.

В быстро оставленном позади поселке жители еще только просыпались, ветер нес нам вслед запахи горящих дров и свежего хлеба. Мы спешили. Чем меньше посторонних нас увидит, тем лучше. И уйти с дороги лучше бы затемно – мало ли кто едет по срочным делам невзирая на время суток? Даже если повезет и встреченный окажется категорически нелюбопытным к нашей истории или же кладезем полезной информации – неизвестно, кто еще проедет мимо или нагонит и решит тоже познакомиться и поговорить.

Вскоре башня осталась достаточно далеко, из поселка нас тоже было не видно. На изгибе дороги, о котором договорились с оставленными товарищами, Малик свернул к темным лесным дебрям.

– Ну и что мы узнали? – хмуро поинтересовался он.

– А мы что-то узнали? – вопросом на вопрос ответил дядя Люсик. – Миссия провалена. На будущее мы сумели проложить тропинку в семейство Анисьи, но о событиях, которые перевернули нормальный уклад владетельных семей, мы не узнали ничего.

– Котя обещал наведаться ночью в ближайшую деревню, – сказал Малик. – Его экспедиция может оказаться удачнее нашей.

– В плане информативности... – начал дядя Люсик.

– Стойте. – Малик застыл на месте.

Что-то в его голосе заставило нас повиноваться раньше, чем понять, что происходит.

– Изображаем, что отошли с дороги по маленькой нужде. – Малик сделал несколько шагов в сторону от нас.

Мы с дядей Люсиком отвернулись друг от друга, приподняли юбки, а глазами осторожно покосились по сторонам. Нигде никого не было, дорога пуста в оба конца. И по обочинам, насколько хватало взгляда, тоже никого нет. Может быть, Малик что-то услышал?

Нет, с приспущенными спереди штанами он делал вид, что занят поливанием невысокой травки, а сам при этом разглядывал воткнутую в землю стрелу. Заметил же. А мы с дядей Люсиком беспечно прошли мимо. Пора спускаться с небес на землю. Пока я хвалил себя за успехи в одном, мы чуть не проспали гибельное другое. И если бы не зоркость и некая звериная интуиция Малика...

– Болдырь так и не научился правильно вязать узлы на оперении. – Малик отвел взгляд от стрелы. Наклон древка сообщал, что она прилетела из леса – именно оттуда, куда мы направлялись. – Это сигнал для нас: туда идти нельзя.

«Там остался мой меч!» – взвопило все мое естество.

Естественно, я промолчал. Малик тихо продолжил:

– На лагерь напали. Если противников было мало, то после перестрелки наши ушли вглубь леса в разные стороны, чтобы нападавшие погнались за кем-то одним. Позже мы встретимся на оговоренном месте. Это я рассматриваю лучший вариант. В худшем моих ребят нет в живых.

Дядя Люсик опустил юбку и задумчиво почесал подбородок.

– Впереди засада? – спросил он.

– Скорее всего, – признал Малик. – Противник мог продолжить преследование или оставить засаду. Первое для него невыгодно. Обнаружить лагерь могли царберы или отряд какой-нибудь проезжей цариссы. Царберы хороши в поле, а в лесу их преимущество теряется. Они как танки в городе – страху нагонят, территорию под свой контроль заберут по-любому, но легкую пехоту до конца не перебьют при всем желании. Свита цариссы более подвижна – конечно, при хорошей выучке – но частично открыта для стрел. На рожон такие лезут только в крайнем случае, когда затронута честь или нет другого выхода. Думаю, это не наш случай. В последние дни мы никому дорогу ни в прямом, ни в переносном смысле не переходили, а старые обиды не в счет – для этого за нами нужно было следить, а мы перестраховывались, и я знаю точно: хвоста не было.

Мы втроем медленно двинулись обратно к дороге.

– Тогда это царберы, – проговорил дядя Люсик. Он косил глазами назад, но голову старался не поворачивать. – Если им поручили уничтожить обнаруженную банду, они не успокоятся, пока не выполнят задачу. Количество жертв с обеих сторон в расчет не берется.

Неприятное, все же, ощущение – чувствовать за спиной возможные взгляды, оценивающие: сейчас метнуть в тебя копьё или немного погодить?

Сзади было тихо. Шумели далекие кроны. Самым громким звуком были наши удаляющиеся от леса неспешные шаги.

Наконец, мы вышли из зоны поражения. Ничего не произошло, за спиной все было так же тихо и спокойно, за нами никто не гнался. Либо засады не было, либо мы хорошо сыграли роли обычных прохожих. Или мы просто вовремя остановились, а гостей ждали в лесу гораздо дальше.

Малик проговорил:

– Лагерь находился неподалеку от башни, противник мог сделать резонный вывод, что в лесу ждали кого-то оттуда или из поселка. На месте противника я бы оставил засаду. Случайные путники, за которых нас, наверное, приняли, им не нужны, они ловят того, кто сунется в лес. Только бы наши во время отхода не убили кого-то из царберов. Смерть даже одного из них Верховная вряд ли простит. Будем надеяться, мои ребята просто сбежали по добру по здорову.

– Мы с ними еще встретимся? – спросил я, думая не столько о самих сопровождавших нас рыкцарях, сколько об унесенном мече.

Малик кивнул:

– Мы договорились о сигналах.

И когда только успели? Наверное, в то время, пока была моя очередь путь прокладывать. Или когда я в кустики отходил. Или когда мои внутренние проблемы казались мне важнее посторонних разговоров.

Хорошо быть настолько предусмотрительным. А вот зависть – плохое качество. Назовем это так: глядя на успехи товарища, я на пути к совершенству наметил себе новую вершину для покорения.

Выйдя на дорогу, мы побрели в сторону восходящего солнца. Каждый погрузился в собственные мысли, разговаривать не хотелось, да и спина еще холодела от ожидания, что из леса вынесутся всадники в желтых плащах и раздастся требование остановиться.

Не вынесутся. Кони слова «надо» не понимают, они в любой миг могут заржать, и в засаду (допустим, что она существует) составляют только пешие. Всадники если и появятся, то откуда угодно, но не из леса.

Вокруг, насколько слышало ухо и видел глаз, не было ни ржания, ни топота, ни пыли.

То ли мы вышли слишком рано, то ли охватившая страну башен суета сошла на нет. Поразившее нас вчера бурное движение отсутствовало полностью.

Ни о чем большем мне и не мечталось. Напряжение отпустило, и голову теперь занимало другое. Малик думает, что на лагерь напали царберы или отряд какой-нибудь цариссы. Во всяком случае, он озвучил только эти две версии. Я предпочитал не ограничивать фантазию.

Еще недавно в список можно было включить волков и челоуолков. Сейчас эти беды отпали, стаи уничтожены. Но даже без их учета у меня возникли дополнительные предположения.

Место для ночевки рыкцари избрали грамотно – с возможностью отхода и недалеко от башни. Неизвестные, которые зачем-то пришли туда среди ночи, руководствовались теми же мотивами.

– А не могли сюда заявиться те, против кого цариссы собирают силы? – Я вновь покосился назад. Там по-прежнему было тихо и спокойно. – Из леса хорошо просматривается дорога, а по расположению это место годится, например, в качестве базы, чтобы напасть на башню.

– О таком варианте я тоже думал, – кивнул Малик. – Это мог быть передовой отряд неизвестного нам противника. Здесь действительно удобно создать плацдарм, чтобы дожидаться основных сил или просто сигнала для атаки. Или для чего-то еще.

Дядя Люсик покачал головой:

– Кому взбредет в голову нападать на башни? Не вижу смысла. Деметрия недавно пробовала и ничего не добилась. И кто этот противник, о котором мы ничего не знаем? Пожиратели? Чапа рассказал, что за рекой идет своя война – война на истощение, если не на полное уничтожение. Сейчас им не до завоеваний. Что остается? Новый враг из дальних стран – высадившийся с кораблей или нашедший путь через горы?

– Или это может быть вторжение из другого мира, – сказал я.

Малик промолчал. Лицо его при этом осталось серьезным, взгляд задумчивым.

Глава 4

Теперь и дядя Люсик озаботился.

– Допускаете, что кто-то выполнил план, о котором мы думали как о гипотетической возможности – вернуться в наш мир и перенестись обратно с мощным подкреплением? Впрочем, почему нет? – осадил он сам себя. – Это же первое, что придет в голову деятельному человеку с возможностями, если он нашел вход и выход и разобрался, что и как здесь устроено.

Вот об этом у меня голова и болела. Если все именно так – что делать нам? Выжить – само собой, но кого поддержать, когда встанет выбор?

Наших? В смысле – тех, кто придет из нашего мира? А что они принесут этому миру? «Наши» бывают разными. Дикую империю организовал наш, и к чему это привело? Получается, что сначала нужно разобраться – кто они, эти «наши», сколько их и, главное, чего хотят. Хорошо, если планы у нас совпадают или хотя бы схожи. А если нет? Какова может быть цель вторжения?

Чего захочет человек из другого мира – более сильного в отношении знаний об оружии и способах захвата власти?

Ответ содержится внутри вопроса. Цель такого вторжения – с помощью оружия захватить власть. Зачем? А просто так.

Допустим, валяется на улице кошелек. Совестьливые люди отнесут его в полицию, но таких – считанные единицы. Если внутри не важные документы, а только ценности, подавляющее большинство решит, что найденный кошелек – благодарность судьбы за былые издевательства. А еще какая-то часть населения с удовольствием стибрит кошелек, если тот будет плохо лежать. Хорошо он лежит или плохо, каждый определяет для себя сам, и помимо моральных устоев роль играют перепады настроения и даже аховость материальной ситуации. Как один подсудимый ответил на вопрос «Зачем вы ограбили банк?»: «А он первый начал!» Когда пролетариату нечего терять, кроме цепей, он способен на что угодно. А Германия, например, на момент торжества фашизма была культурнейшей страной мира. То есть, устои устоями, а сиюминутная ситуация может изменить их до неузнаваемости, носители устоев и сами не поймут, как же так получилось.

И, в продолжение темы, обязательно найдутся такие, кто, завидев кошелек даже не бесхозный, а вполне чей-то, в чьем-то кармане или в чьей-то квартире, захочет отобрать его просто по праву сильного. Эволюцию никто не отменял, выживает сильнейший, а неудачник гибнет. Закон природы.

Страна башен, заостеневшая в «законах Аллы», – как раз такой кошелек.

Допустим, отобрали. Что дальше? Среднестатистический гражданин удовольствуется ролью местного царька и, допускаю, будет править мудро и справедливо. Необязательно, но возможно. В глубине души все люди добрые и хорошие, только глубина разная. Когда получил все, чем-то можно и поделиться. Проявить милосердие. Допустим, непримиримых врагов, взятых в плен или арестованных по доносам, не сажать на кол и не четвертовать прилюдно, а тихо повесить. Причем, их одних, без членов семей до седьмого колена. Чем не благородство и высшая милость?

Это мы говорим о среднем человеке без особых внутренних заморочек (но исключительно из тех, кто живет по принципу «пан ил пропал», то есть в борьбе за власть готов рисковать головой. Поэтому тем, кто жизнь ставит дороже власти и денег, примерять на себя эту ситуацию не обязательно). Амбициозный же или морально обиженный тип, когда сядет на трон, потребует раболепия и абсолютизма, а также провозглашения себя богом или Его единственным заместителем. Со всеми вытекающими. Что будет дальше, лучше не представлять. В учебнике истории все рассказано неоднократно.

Что-то меня не туда понесло. Пришелец явился не один, иначе не встала бы на уши вся страна. Пришла сила, против которой потребовались все резервы. И если в моих рассуждениях заменить личность на группу единомышленников, то все намного хуже, чем кажется. Бандиты построят большую «зону», религиозные фанатики – халифат или орденское государство без права на иное мнение, язычники поставят идолов, коммунисты всех уравниют, еще кто-то придумает что-то новое или вытащит из запасников истории поеденное молью старое, и в обязательном порядке все будут принуждать всех к счастью по собственному рецепту – силой, с физическим устранением сопротивляющихся. По-другому не бывало и не будет. И кем бы ни были пришельцы, под каким девизом ни убивали бы людей – у них, при достаточной мощи, все получится.

И только у честных людей, мечтающих о свободе-равенстве-братстве, ничего не выйдет, потому что к власти такие прийти не могут по тем же законам истории: добрые милосердные правители во все времена рушили свои страны и империи, созданные тиранами. Добрый человек не пробьется к власти, его убьют чужие за слабость или свои за принципиальность.

Итог неутешителен. Кто бы ни захватил власть в стране башен, нам с ними будет не по пути. Мы – романтики, нами движут эмоции. Гнев. Мечь. Чувство несправедливости. При большой удаче и мы можем сесть на трон, но у нас нет программы. Каждый из нас, наверняка, видит возможное будущее по-своему.

Малик сказал:

– Не надо усложнять. «Уйти, чтобы вернуться» – сложный план, а объяснения того, что происходит, обычно просты. Допустим, что, как уже было однажды, на причал прибыло слишком много людей – скажем, пассажирский самолет упал или, например, вахтовый вертолет с кучей народа. Значит, появилось много «чертей», и требуется масштабная зачистка. А представьте, что это был военный борт с десанниками? Тогда аллехвалинцам кирдык.

– Полнолуние было почти три недели назад, – напомнил я. – До следующего – больше недели. Что-то не сходится.

– Про полнолуние – это догадка, а не факт, – сказал дядя Люсик. – На самом деле все может быть иначе.

– Не обязательно, – усмехнулся Малик. – Минувшие три недели у затаившихся после «причаления» ребят ушло, чтобы понять, что к чему, обзавестись оружием или наметить, где его взять. Теперь они перешли к действиям – вот тут все и взбаламутились. – Он задумчиво куснул губу и продолжил: – Впрочем, вариант, что о путях туда-обратно узнали спецслужбы, я тоже со счетов не скидываю. Если путь между мирами существует, государство о нем рано или поздно узнает. И если вторжение осуществило государство...

Я внес еще одну версию:

– Или государство из другого, не нашего мира.

Малик нахмурился, а дядя Люсик подхватил:

– Два параллельных мира, которые мы на сегодня знаем – прямое указание на то, что их может быть больше. А вот еще вариант: через тот же портал, что и мы, или через какой-то другой, могла пройти неизвестная нам сила, от которой в свое время бежали беловолосые.

Я развил тему:

– Или вторглись именно беловолосые – массово, чтобы захватить новые территории. Для людей, которые ловят стрелы на лету, это, как мне кажется, проще, даже если перевес будет у противника.

– Не надо обобщать, Юлиан мог быть особенным, – возразил дядя Люсик. – У нас тоже встречаются уникамы: одни шпаги глотают, вторые с завязанными глазами по мишеням не промахиваются, третьи зубами сталь перекусывают... Нельзя всех мерить по первому встреченному экземпляру.

– А я поддерживаю Чапу, – сказал Малик. – Мы должны рассмотреть все варианты.

Из трех известных нам беловолосиков каждый превосходил остальных. Ловкостью. Силой. Красотой. Юлиан всегда нравился женщинам, Ярослава – сногшибательная внешне и при том бойкая и чувственная – не могла не нравиться мужчинам, а Ефросинья восхищалась своим дедом – тоже необычайно красивым и сильным. Три выделяющихся из общей массы из трех известных – статистика явно в пользу беловолосых.

– Пока мне ясно одно, – подытожил дядя Люсик. – Кем бы ни были вторгшиеся пришельцы (если это, конечно, пришельцы) и против кого бы ни воевали цариссы, наше дело – сторона. Неведомых чужаков нельзя поддерживать ни в коем случае. Вспомните, как с помощью англичан, французов и испанцев индейские племена боролись со своими вредными соседями. И где теперь те племена? Если придут «наши» – пока в кавычках – мы должны понять, чего они хотят, и только потом объявлять, что, мол, вы и мы – одной крови. И даже если припрет, то соглашаться лишь на временное сотрудничество. А еще я допускаю, что никаких пришельцев может не быть, и вся заварушка – новая борьба за власть. К примеру, цариссы против царицы или царица против сестричества. До сих пор тайный клуб землянок контролировал каждую из ветвей власти, но не бывает ничего вечного.

– Цариссы, родившиеся здесь, могли восстать против пришлых, которые из «ангелов», – вбросил я еще одну версию. – Или местная идея-фикс дала трещину: равновесие нарушилось, когда одна из трех сил захотела больше прав, а землянки изменение в расстановке сил проглядели и с последствиями не справились.

– Или Совет сестричества, в котором большинство – царыни местного разлива, мог проголосовать за нечто, что для Верховной царицы как кость поперек горла. Накидать версий можно выше крыши, это ничего не изменит. Нужны конкретные сведения. Их нет.

Какие бы фантастические картинки не возникали в воспаленном воображении, любая догадка оставалась досужим домыслом – никому не нужным и, до появления фактов, играющим на нервах. Проблему, для решения которой не хватает информации, нужно отложить. Это сложно, но можно. Клин клином вышибают, то есть мысли об одной проблеме – мыслями о другой.

Как здорово, что даже у того факта, что проблем у нас много, нашелся плюс. И этот плюс – мне, позитивно мыслящему, а не какому-то там факту.

Итог размышления: слава мне, мудрецу и оптимисту!

Аминь. Теперь вернемся к нашим баранам.

Освободившееся место в голове заняла вечная тема: где поставить запятую в «Уйти нельзя остаться». Одно дело – думать, что идею с уходом и возвращением кто-то уже воплотил, и просчитывать, чью сторону принимать в новом конфликте, и совсем другое – брать миссию на себя как один из вариантов будущих событий.

Забудем о чужаках. Скорее всего, нет никаких вторженцев, а цариссы переполошились по простейшей причине – к примеру, чтобы устроить карантин в какой-то местности, где массово заболели люди. Вполне правдоподобное объяснение. К тому же, оно подкреплено историческими фактами: европейские колонизаторы привозили в открытые страны вирусы, против которых у туземцев не было иммунитета. Североамериканским индейцам специально дарили одеяла, зараженные неизвестной в Новом Свете оспой, и территория освобождалась «сама собой». Население Тасмании и других, более мелких островов, вообще свели под ноль. Мы – попавшие сюда «ангелы и черти» – могли невольно внести свою лепту. В общем, версий много, но сейчас не до них.

И снова: уйти нельзя остаться. Не трогать несправедливое (с нашей точки зрения) общество или кроваво вмешаться (кроваво, поскольку по-другому не бывает). Пусть ответа, биться за свободу-равенство-братство в этом мире или любым способом улетать домой, у меня еще не было, но определенные мысли бродили, причем бродили так, что забродили и иногда вырывались дурным запахом. Не хотелось обсуждать это вслух.

Я боялся. Не за себя. Зачем бояться за себя? Как логично заметил кто-то древний, когда есть смерть – нас нет, когда есть мы – нет смерти. Кажется, это так звучало. Не помню. Был бы под рукой интернет-поисковик...

Зарина. Зарина-Зарина-Зарина. Все мысли так ли иначе возвращались к ней и касались только ее. И планы зависели от того, как повернутся события дальше. Что я сделаю, когда встречу с Зариной?

А кто сказал, что она сидит в том темном доме и ждет меня, суженого-ряженого, как намеревалась? Никто мне ничего не гарантировал. Обстоятельства могли измениться как у Зарины, так и у ее начальства. Мало ли куда ее забросит судьба.

И все же, куда бы ни забросило – я найду Зарину.

Мир, в который нас перенесло, сделал из меня хорошего ученика. Усвоено многое. Везде, во всех непонятных уму верованиях, политических системах и кажущихся странными цивилизациях всегда есть что-то восхищающее. Здесь это были некоторые законы Аллы. Я повторял про себя, как мантру: «Я не ною и не жалуясь, я пересиливаю. Я не прошу, я действую. Для меня нет невозможного. Трудно – да, долго – может быть, но не невозможно. Я слушаю умных, но верю только верным, в этом состоит мудрость. Я никогда, никогда, никогда не сдаюсь. Меня можно убить, но нельзя сломать. Победа – сплав опыта, ума, смекалки, воли и подготовки. Недобор в любой из составляющих – смерть».

Сплав опыта, ума, смекалки, воли и подготовки – это были мы втроем: Малик, дядя Люсик и я. Я надеялся на них, верных мне, и был верен им. Они так же верили мне. Только вместе мы могли чего-то достичь.

Ответ, что же «трем царям» делать дальше, зависел от меня, а для меня он зависел от ответа Зарины. Я не хочу погибнуть, хоть мне и жаль угнетенных людей. Мне хочется незатейливого семейного счастья, жизни вдвоем где-нибудь, где не надо убивать или убегать. Хочется обычных для двадцать первого века комфортных условий. Компьютер, телевизор, мягкая мебель, невообразимый поток информации, в котором можно купаться до полного посинения и выпадения в осадок... Поэтому первое, что я сделаю – предложу Зарине лететь со мной.

Интересно представить нас в моем мире.

И я представлял. Перед глазами то и дело возникали картинки, как мы гуляем между высотками и как я учу Зарину пользоваться техникой...

Умопостроения в первую очередь упирались в вопрос: как объяснить моим родственникам и родному государству появление девушки из другого мира? Сообщать ли о ней или скрыть, чтобы ни спецслужбы, ни военные не пронюхали о возможности путешествия между мирами?

Кстати, одно решение вопроса, которому Малик собрался посвятить жизнь (и, наверняка, скорую смерть, так как другого исхода ждать не приходилось) – это перепоручить его профессионалам. Пусть порядок там наведут те, кто это умеет. И однажды произойдет то, что мы уже допускали в качестве версии: свалятся на Святой причал несколько сотен спецназовцев, способных голыми руками перебить всех царберов, а из их доспехов собрать пулеметы...

А надо ли? Неизвестно. Никто не знает, что будет дальше и кто, в конце концов, от выигрывает от перемен. Проигравших в таких случаях бывает несоизмеримо больше.

Поэтому спросим по-другому: хочу ли я этого?

И опять вопрос задан неправильно. Какая разница, чего хочу я, важно, чего хотят жители страны башен. А после вторжения из моего мира изменится жизнь и здесь, и за рекой, и в еще неизвестных мне странах, которые, наверняка, должны быть где-то за горами, морями и пустынями. А если где-то там, за горами-пустынями, люди научились уважать друг друга, живут справедливо и по-доброму и для них реалии с нравами моего двадцать первого века – ад крошечный?

Потому и не приходит в голову решение, что не хватает информации. Я хочу сделать так, чтобы все были счастливы и чтобы пострадало как можно меньше людей. Но так не бывает, достаточно прочитать учебник истории или включить здравый смысл.

Самое лучшее – спросить Зарину, что она думает о будущем своего мира. Сначала рассказать о своем мире, о его плюсах и минусах, а затем спросить.

Боюсь, узнав, как мы там живем, она не захочет ничего менять.

А если не спрашивать ее, а просто забрать с собой? Поставить перед фактом: или, мол, со мной ко мне, или без меня здесь.

Что-то подсказывало, что она захочет остаться. Не обязательно останется, вовсе нет. Возможно (хочется в это верить), одним махом отсечет прошлое и с головой ринется со мной в омут нового будущего... но будет жалеть, что не осталась. Молча. А я буду знать об этом. И как тогда жить?

Может быть, Малик прав, и вместе со мной и дядей Люстиком, объединив силы и мозги, мы сумеем улучшить этот мир настолько, чтобы он понравился всем?

Всем нравится невозможно, поэтому вношу поправку: чтобы он понравился большинству.

Мечты, мечты. Но какие приятные...

Мысли вернулись к факту, что нас стало втрое меньше. Наши боевые возможности снизились втрое. Значит, на первое место должны выйти умственные, чтобы побеждать не числом, а умением.

Наверное, я плохой человек. Не исключено, что наши соратники погибли или взяты в плен, а мне обидно, что подарок Малика, ненаглядная и горячо любимая катана, для меня потеряна. Вещь оказалась дороже людей. Я горевал по утраченному мечу, а не по людям. Совесть пинала изнутри, как могла, что думать так, вообще-то, не по-человечески, но...

Противное «но». Любая здравая мысль обращается в противоположность, если после него вылезает короткое гадкое «но».

«Я всегда поступаю правильно, но...»

«Твой выбор абсолютно верный, но...»

«Я тебя люблю, но...»

То-то и оно.

Один из девизов наших оппонентов – «Главные вещи в жизни – не вещи». Хорошо бы нам, бравирующим своей цивилизованностью, тоже вывесить на флаг эту истину. Только вот кто пойдет за таким знаменосцем? Кто-то одобрительно помашет рукой из кредитного авто или ипотечной квартиры, кто-то лайкнет в новом смартфоне или компьютере. В глубине души, мне кажется, этот лозунг поддержит каждый, но ради абстрактных (для «цивилизованной» особи) понятий никто не откажется от более удобного жилья или средства передвижения. Главные вещи – гаджеты, за них отдают время, деньги, здоровье, дружбу и даже любовь.

Гаджеты. Гад же ты. Добавить нечего.

Мы шли молча – по все еще пустой дороге, под оранжевой яростью лучей, пожравших томный сумрак рассвета. Утоптанная дорога слегка извивалась, огибая впадины и холмики, ее окружали бескрайние поля пшеницы. Неровности рельефа заставляли пахарей обходить кое-какие места, и там возникали лесистые островки – в жару они давали тень, а при нападении волков – спасение случайным одиночкам. Днем спрятаться в нескольких деревьях было невозможно, издали все отлично просматривалось. Леса остались позади, а следующие если и будут, то будут нескоро – пшеничные поля уходили за горизонт, и вместо леса по пути, скорее, встретится какая-нибудь деревня. Впрочем, в этом мире деревни прячутся от людских глаз – как будто высшему сословию не нравится во время путешествий видеть жизнь тех, кто его кормит и обслуживает.

Малик свернул к ближайшему островку из деревьев:

– Отойду ненадолго.

Чтобы не мозолить глаза тем, кто случайно проедет, мы с дядей Люстиком тоже сошли с дороги, вроде как отдохнуть. Впрочем, «вроде» относилось только ко мне.

Издали Малик призывно махнул рукой и указал в сторону от дороги.

– Наши планы меняются. – Дядя Люстик поднялся с земли.

Когда мы подошли к Малику, тот продемонстрировал свежие метки, сделанные ножом на одном из стволов:

– Зарубки означают направление и примерное время в пути. Могу обрадовать – наши все живы.

Известие было приятным, особенно в плане меча. На душе потеплело. Но сам факт того, что только что произошло...

Я считал себя умным человеком, и все же – нет, не понимаю. Как Малик узнал, что подойти нужно именно к этим деревьям?!

Спрашивать и выставлять себя тем, кем ощущалось в этот момент, мне не хотелось. Включим логику. Рыкцари шли ночью, по темноте, издали их в поле не увидеть. После бегства и долгого перехода они и сейчас могут спать где-нибудь там, среди раскинувшихся необозримых нив. Им достаточно было рассеяться в лесу, сделать круг, чтобы выйти в нужную сторону, и затем двигаться вдоль дороги до рассвета. Деревья, к которым безошибочно направился Малик, растут достаточно далеко от башни и наиболее близко к дороге. Вот и ответ.

– Пока дорога пуста, пойдем через поле. – Малик зашагал сквозь стену колосьев, раздвигая их осторожно, чтобы сзади они вновь образовывали стену. – Как только появится шум или движение или вдали поднимется пыль – падаем в пшеницу. Вне дороги мы опять стали нелегалами.

Двинувшийся за ним дядя Люстик потер переносицу жестом, будто поправлял очки:

– Я дико извиняюсь, но по зарубкам меня читать не учили. Сколько нам идти?

– Полчаса на юго-восток.

– Это же недалеко, – удивился я, – где-то в пределах прямой видимости. Встречу назначили на следующем «островке» с деревьями?

Малик пожал широкими плечами:

– Там будет встреча или следующий указатель. Скорее всего, второе.

Я замыкал маленькую колонну, моим делом было не оставить за нами следов. Во всяком случае, таких, которые заметны издали. За то время, что мы шли через леса и поля от западной границы, я обучился всем премудростям будней лесного разбойника. Если понадобится, легко перекоммуницируюсь. Ангелом был, царевной был, невестором, равным принцу и почти достигшим ранга царевича, тоже был, а также волком, бойцовым псом, посланцем... Кем только ни был, а настоящим рыкцарем не был. Всегда только сбоку припекой, пятым колесом в телеге. Теперь смогу и рыкцарем.

Но не хочется. Что-то внутри заставляло вставать на сторону закона и правопорядка, пусть местные закон, право и порядок меня не устраивали и просто возмущали. Но. Законы пишутся кровью. Глупые законы, как и принявшие их люди и общества, долго не живут. Пусть законы Аллы суровы и ко многим несправедливы, но они действуют, и благодаря им местное государство не погрязло в беспросветном воровстве и беспредельной преступности. В этих условиях быть лесным разбойником – не лучший выбор. Определение «лесной» выглядит приятно, но оно всего лишь указывает на основную «прописку», а вот главное слово – «разбойник» – говорит само за себя. Разбой как смысл жизни – извините, не мое. Даже если жизнь заставит. Но и тогда я буду, скорее, повстанцем, мятежником, бунтовщиком – называйте как хотите. Но я никогда не буду разбойником. Мой противник – не добрые люди, а недобрые власти.

А недобрые они лишь потому, что мои представления о справедливости отличаются от местных. Если спросить о том же самом Зарину, ответ будет противоположным. Думаю, скорая (как надеюсь) встреча с Зариной сильно повлияет на мои решения и решимость. Между любовью и справедливостью я – однозначно – выберу любовь.

– А к темному дому нам как будет ближе, – спросил я, чтобы сразу определиться с дальнейшими планами, – по дороге или напрямик?

Дядя Люсик показал в сторону, куда уходила дорога:

– Нужно идти еще через одну вотчину на восток, а там взять чуть севернее. По дороге намного быстрее. Следующей башней сейчас владеет царисса Яна.

«Намного быстрее». Главное сказано.

– Сходим в гости еще раз или обойдем? – поинтересовался Малик.

Хороший вопрос.

Царисса Яна. Имя мне ничего не говорило. И неизвестно, стоила ли информация, которую мы хотим добыть, невероятного риска. Нужно ли нам знать, что происходит вокруг, или Зарину можно изъять из темного дома без этих сведений? Я склонялся к последнему. Знания иногда бывают избыточными, а время и силы, потраченные на них, выброшенными на ветер. Меня тянуло в темный дом. Надеюсь, Зарина – там. Если ее нет, меня потянет дальше – в сестырь, в крепость, к черту на рога...

Для меня встреча с Зариной была целью, а для моих спутников – первым пунктом длинной программы. Они считали, что лучше быть в курсе всего, и я согласился бы с ними, если бы не. Ага. Потому что каждая новая минута казалась выброшенным коту под хвост годом.

– Наш успех, как максимум, и, как минимум, выживание зависят от того, – сказал дядя Люсик, – что о каждом из нас известно цариссе. Или тому человеку, кого она оставила за хозяйина. Мы очень даже можем нарваться на неприятности – например, пересечемся в башне с захватившими туда цариссой Асей и другими ненужными сейчас особами. Документ об амнистии не гарантирует безопасность на сто процентов, свое решение Верховная царица могла со временем отменить. Но мы рискуем не меньше, если продолжим передвигаться по лесам и полям. Мы сильно рискуем в любом случае.

Да, жизнь вредна, от нее умирают. Аксиома.

– Не забывайте, я теперь невестор Ефросиньин, – с улыбкой напомнил Малик. – И если бы Чапа не упрявился, в нашей легализации закрылась бы последняя брешь.

Он явно подтрунивал надо мной, и все же я буркнул:

– Если бы Чапа не упрявился, мы все еще сидели бы в башне и по очереди показывали свои мечи. Кстати, спасибо, что не дал ей сцапать и меня.

– Ничего, мне больше достанется.

– Там слово «больше» неуместно, как и «меньше», потому что меньше уже некуда.

– Со временем нарастет.

В казавшуюся нам веселой перепалку встрял дядя Люсик:

– Ша, с каким таким «временем»?! Ваши разговоры мне как утюгом по темечку. У нас нет времени.

– Мы не знаем, что ждет впереди, у нас там темно, как у негра в филейной части, – откликнулся Малик.

– И все-то ты знаешь, и везде-то побывал. – Дядя Люсик покачал головой. – А юридическая свобода Чапы нам еще пригодится, мы все сделали правильно.

– В каком смысле пригодится?! – Мне вдруг стало нехорошо.

Ответил Малик:

– На пути у нас будут еще башни, а в них могут быть непристроенные царевны. Ты вызовешь огонь на себя.

До деревьев оставалось метров сто, когда сбоку, со стороны поля, раздалось громкое задорное чириканье.

В мире, где перебили почти всех птиц, а оставшиеся шарахаются от человека, как от огня, такие звуки услышишь нечасто.

– Наши? – с надеждой спросил дядя Люсик.

– Похоже. – Взгляд Малика остался настороженным, рука машинально потянулась за луком, которого не было на спине с тех пор, как из леса мы отправились в башню.

Если все хорошо, моя катана и его лук сейчас к нам вернуться.

«Если». Ненавижу это слово.

Глава 5

Встреча с соратниками-рыцарями вышла бурной – все обнимались, как родные, и в самом деле чувствовали себя родными. Все шестеро лесных разбойников были живы, здоровы и даже не ранены. На светлое время суток они залегли в колосящейся ниве, и если бы нас не окликнули, мы, как и возможный противник, прошли бы мимо. Я порадовался, что до появления летающих дронов с телекамерами – как до луны пешком. Отсутствие технического прогресса в этом мире способствовало выживанию как ничто другое.

Нечасто от меня такое услышите, но Алле хвала за это. Если бы не ее законы... Они сурово карали преступников и одновременно лишали общество новых способов борьбы с нарушителями насажденного порядка. Нас, как вынужденных, но явных представителей местного криминалитета, это воодушевляло.

Забудем про дроны. Здесь обычного бинокля хватило бы для перевода нашей нелегальной компашки в положение Off и мгновенное удаление из общественной памяти. Существовавшая в единственном экземпляре неказистая «позорная труба» Фриста сейчас не при Малике, значит, скорее всего, сгинула вместе с остальными сокровищами пещерного дворца. И хорошо, что так. И хорошо, что изготовивший ее мастер не прожил столько, чтобы поставить производство на поток, иначе нам пришлось бы худо.

Из того, что я слышал о Верховной царице, можно (и нужно!) иметь в виду: в крепости неизвестные народу раритеты и артефакты, наверняка, есть, они могут использоваться по назначению. Царица знает больше остальных. Для правителя это необходимость. А чтобы править долго и без проблем, народ от лишних знаний следует отсечь. Отчего в моем мире случились, случаются и еще случатся революции? От появления у некоторой незанятой физическим трудом прослойки общества времени на пропаганду среди менее смекалистых сограждан – внедрение и распространение крамольных мыслей, которые вместо нынешней власти вознесут в царские чертоги ту незанятую физическим трудом прослойку.

Так было и так будет. Сейчас я в оппозиции здешнему официозу, и мы готовы друг друга уничтожить. А заглянем в счастливое завтра: допустим, ситуация перевернулась. На троне – я с товарищами. Вместо трона – круглый стол, все равны, крепостные освобождены, всем предоставлены одинаковые права и возможности. И высшие решения принимаются только голосованием. И только на благо общества.

А кто определяет, что благо, а что нет? Мы.

А кто является нашим противником? Прежние властители, потерявшие свои привилегии, и их прихлебатели. Еще – некоторые наши помощники, которые считают, что судьба их обделила, поскольку они рисковали жизнями и потому имеют не меньше прав сидеть за круглым столом с нами или, если места за столом на них не хватает, вместо нас. К неприятелям можно отнести и середнячков или бывших обездоленных, которые раньше перед властью лебезили, а теперь смекнут: другим удалось подняться наверх, почему же, дескать, не попробовать и нам? Вместе с семьями – это немалая часть общества.

Что они хотят сделать с нами? Свергнуть и расправиться. Что нам нужно, чтобы этого не произошло? Найти врага и расправиться с ним первыми. Вот и вся суть политики во все времена.

Сейчас царица находилась в крепости или в великолепном шатре со всеми удобствами, а мы, ее противники, на холодной земле, где в компании бандитов будем ждать ночи, чтобы в темноте и опасности двигаться вперед. Расклад вроде бы не в нашу пользу. Но, как ни удивительно, шансы равны. Мы живы – значит, или мы, или нас. То есть, шансы – пятьдесят на пятьдесят.

Повторю еще раз: за ретроградство и ограничение своих подданных в знаниях и возможностях, что позволяет нам выжить – Алле великая хвала!

Поделюсь еще одной радостью: ко мне вернулась моя прелесть. К сожалению, радости сопутствовало огорчение: мое стальное чудо вернулось ко мне не навсегда. Если пойдем в очередную башню, катану вновь придется отдать. А сейчас пальцы сжимали рукоять с чувственным восторгом, сравнимым разве что с поцелуем или объятиями с Зариной. Никогда не думалось, что я настолько привязчив к вещам.

Поправка: к хорошим вещам, к необходимым для упомянутого выживания. Наверное, это действует инстинкт самосохранения.

Еще одна поправка: все, сказанное перед этим – беззастенчивая ложь, придуманная подсознанием для самооправдания. В самом деле, при чем здесь инстинкт? Никто не спорит, что владеть хорошей и нужной вещью – приятно, но зачем выискивать естественные причины и возводить в культ? Для кого люди и вещи равны – прошу в темный дом, там для вас, такого многого, найдется удобная комнатка, келья или камера.

Впрочем, я туда и иду. Возможно, итог будет именно таким: меня ждет комнатка, келья или камера (вряд ли удобная), где появится море времени для подобного философствования.

Я, Малик и дядя Люсик лежали на земле и выкладывали на импровизированный «стол» продукты, выданные нам в дорогу в башне Ефросиньи. Рыцари ответно делились всем, что осталось у них. Ночью Котя сделал вылазку в ближайшую деревню и теперь рассказывал:

– У меня все прошло нормально, люди попались хорошие, поговорили, поделились едой. Причин, отчего случилась заварушка, никто не знает. Вчера царисса изъяла в деревнях большую часть лошадей и телег, а всех здоровых мужиков вооружили и поставили бойниками в свите цариссы, после чего она сразу отправилась куда-то. Приказано готовить следующих бойцов – всех, кто может держать в руках оружие – и ждать нового приказа.

– Вопрос: какого приказа? – Дядя Люсик привычно потер переносицу, будто это помогало ему в поиске ответов. Не помогло. – Защищать свой дом или идти на помощь? От того, кто противник цариссы и где он находится, зависят наши дальнейшие планы. Безопасно ли передвижение ночью, не выскочит ли неизвестный враг из-под ближайшего куста? А если неприятель еще очень далеко, и все ушли, скажем, охранять границу или в какую-то одну отдаленную вотчину, то можно спокойно путешествовать днем вне дороги и даже по ней. Необходимой нам для принятия решений информации как не было, так и нет.

– Будет, – спокойным тоном произнес Малик.

И мы с дядей Люсиком почему-то сразу поверили.

Или не поверили, но все равно успокоились. «Не надо искать черную кошку в темном помещении, особенно если ее там нет», – это мнение дяди Люсика, и я его разделяю. «Если кошка где-то есть, мы ее поймем», – это настрой Малика, и я ему завидую. Вернее, на достойном примере учусь и намечаю очередную вершину к совершенству, которую следует покорить. А гений нейролингвистического программирования – это все же не я. Зато радуется, что он в нашей компании. А вместе мы – сила.

И нас снова девять. Вооружить бы и защитить каждого по примеру сестриц, настоящей сталью, и усилиться кое-какими царберскими прибабасами...

Над этим стоит подумать. Как это сделать – непонятно, но любой путь начинается с первого шага. С идеи.

Меч святой сестры разубит любой местный доспех, а стальная кольчуга спасет от всех колюще-режуще-рубящих напастей. С таким оружием и защитой несколько человек пройдут по чужому войску, как горячий утюг сквозь полиэтилен. Даже на крепость покушаться можно, если нужна заставит. Я такой возможности не исключал. Вдруг Зарину перевели в крепость? Или оставили в сестыре. Шансы на это невелики, но они есть.

Чтоб быть готовым ко всему, нужно предусмотреть все варианты, и начинать надо с худших. Крепость и сестырь – две цитадели, они не по зубам небольшим армиям, неспособным поддерживать длительную осаду. Смогут ли несколько хорошо вооруженных и обученных человек сокрушить твердыни, к которым не каждое войско подступится?

Я посмотрел на нашу разношерстную компанию. Вспомнилось, как дочка Верховной царицы царевна Деметрия презирала своих союзников-рыкцарей. Несомненно, они отвечали ей тем же, даже если внешне не показывали. Это был временный альянс против общего врага, и если бы все получилось, сразу началась бы внутренняя грызня. То есть, резня. По-другому не бывает.

Сейчас ситуация была иной. В Малика верили, за ним шли безоглядно, его приказы выполнялись безоговорочно. И все же наши спутники были бандитами. Каждого из них в лес привел свой мотив, но с нами их объединяли только общая беда и ненависть к законной власти, в остальном мы были абсолютно разными. Они думали о себе, мы думали обо всех. О себе, конечно, мы тоже думали, и не меньше. Но – в контексте общего. Нельзя быть счастливым среди несчастных.

Рыкцари же были далеки от этих отвлеченных материй, как одноглазый доллар от декларируемого Бога. Несладко нам придется в такой компании. Увы, другой нет.

Я уже мыслю как типичный правитель. Во все времена и во всех странах они тоже постоянно жалуются: мы, мол, все из себя такие умные, добрые и хорошие, а народ попался тупой и косорукий, оттого и не получается ничего.

Пока в голове мелькали такие мысли, Котя рассказывал, как на лагерь вышли трое царберов – обычный конный разъезд, обеспечивавший безопасность на дороге:

– Я думаю, они увидели выбранный нами лесок и решили проверить опасное место – все же следы за собой мы заматали не хуже чем обычно, по прямой не передвигались, и найти нас было непросто, даже если напороться где-то на нашу свежепрорубленную просеку. Увешанных металлом всадников слышно издали, это нам помогло. Часть следов нашей ночлежки мы уничтожили, противник не сможет узнать, сколько нас было. В темноте мы выпустили несколько сигнальных стрел для вас и разбежались. Среди ночи подмогу царберам взять неоткуда, они оставались перед выбором: устроить засаду на тех, кого мы могли ждать в лесу, или преследовать. Мы сделали все, чтобы они увязались за нами. Когда лес стал гуще, царберы отстали – наши преимущества возросли, мы могли завалить врага просто спрыгнув с деревьев на спины, а в борьбе на земле тяжелые доспехи превратятся в опасную обузу. Мы знали, что царберы не успокоятся, пока не проверят все окрестности, поэтому пришлось всю ночь бежать, оставляя зарубки и заматавая следы...

Дальше Котя стал повторяться, пересказывая то же самое с возрастающим количеством подробностей, и меня вновь заняли собственные мысли. И мечты.

***

Путь к следующей башне занял почти неделю. Сначала пришлось обходить храм, еще через два дня – цекаду. По дороге вышло бы намного быстрее, но с нами были рыкцари. И не стоило соваться в храм или цекаду с нашей филькиной грамотой.

Время для меня тянулось невыносимо медленно. Радовало только, что цель приближалась. Темный дом был уже недалеко, просто рукой подать – где-то в конце вотчины, по которой мы двигались уже вторые сутки.

Поля Анисьи, чей полный титул значился как «царисса Хлеба и мельниц» (кстати, ни одной мельницы мы так и не увидели) сменились разграничивавшими вотчины пустырями. Переход через них оказался самым опасным – лесов, мощного кустарника и оврагов почти не было. Светлое время суток мы переждали в отдаленном леске, а чтобы до него, пришлось сделать многочасовой крюк. Движение во тьме – особое искусство, оно приходит только с опытом,

«сыном ошибок трудных», и я удивляюсь, почему никто не сломал ногу или не упал в яму. Впрочем, ям не было, иначе я бы, например, обязательно упал.

На землях цариссы Яны пейзажи снова изменились. Вернулся лес. Приятно было опять оказаться недостижимым для чужих взглядов, день перестал быть врагом. Благодатные кроны приняли нас под свои своды, на душу снизошло опасное чувство покоя, в нос бил запах свежей и прелой хвои. Рыкцари крыли ругательствами торчавшие из земли корни и песчаные ямы, в которые иногда проваливались. Впрочем, ворчание не перерастало во что-то негативное – общее настроение резко выросло.

Издали я принял новый лес за сосновый и продолжил бы так считать, если бы Малик. Он притянул к себе ветку и вслух пересчитал иголки в расходящемся пучке хвоинок. Их оказалось пять вместо привычных двух.

– Кедр, – сказал Малик.

Рыкцари уже подбирали шишки и выковыривали из них орешки.

Дядя Люсик поправил:

– Позвольте уточнить: не кедр, а кедровая сосна. Семена кедров несъедобны.

– Как это – несъедобны? – не согласился я. – Родители всю жизнь пичкали меня кедровыми орехами: «Надо съесть, это полезно, здесь столько витаминов...» Хотите сказать, меня обманывали?

– Настоящие кедровые растут на юго-востоке Средиземного моря и на западе Гималаев, – пояснил дядя Люсик, глядя на окружившие нас прямые серо-бурые стволы и мощные ветви в раскидистых кронах. – Еще – в Крыму, где тоже прижились. Их семена, кстати, к орехам не относятся, и они несъедобны. Полезные «орехи», которыми тебя, Чапа, кормили, вовсе не орехи с научной точки зрения. Но родители были правы, семена деревьев, которые у нас называют кедровыми, очень полезны.

– Ясно. – Я пнул ближайшую шишку. – Везде обман. Кедровые орешки, оказывается, во-первых, не кедровые, а во-вторых, не орешки.

– Но в остальном-то все правда, – усмехнулся Малик.

– Я так же сильно разуверился в окружающем мире, – продолжил я бурчать, – когда узнал, что большинство известных мне по кино и мультфильмам енотов – никакие не еноты, а енотовидные собаки.

– А здесь собаки – волки, – сказал Малик.

– А женщины – ангелы, – добавил дядя Люсик. – Впрочем, в нашем мире их иногда тоже так называли. – Он вздохнул. – Но упомянутое «иногда», видимо, их не устраивало.

– Это потому, что женщины любят ушами, – сказал Малик, – а мужчины – руками.

– И только кролики чем надо. – Дядя Люсик прикрыл глаза и продекламировал: – «Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян». Ницше.

– Будь мягче к людям, – быстро ответил Малик.

– Я что-то не то сказал? – удивился дядя Люсик.

Малик повторил с продолжением:

– «Будь мягче к людям. Хочешь быть мудрей? Не делай больно мудростью своей».

– Омар Хайям, – узнал дядя Люсик.

– А нельзя ли как-нибудь так разговаривать, чтобы другие тоже что-то понимали? – подал голос прислушивавшийся Котя.

– Можно, – сказал Малик.

И разговор сам собой затих.

Собирая «орешки», по лесу мы двигались вдоль дороги, стараясь не отдаляться, и вскоре впереди сквозь ветви открылась развилка.

– Влево дорога уходит к вотчине цариссы Меланьи, а темный дом – справа, на другом конце земель цариссы Яны, – объяснил дядя Люсик. – По местоположению темного дома им как бы заведует царисса Яна, но «заведование» ограничено снабжением и охраной внешнего периметра. Темный дом – сам по себе, он никому не принадлежит, там, с благословения Совета сестричества, распоряжаются святые сестры. – Дядя Люсик на миг повернул лицо к дороге, что уходила влево. – Кстати, крепость отсюда тоже недалеко, за вотчиной Меланьи на развилке влево.

– Надеюсь, последняя информация нам не пригодится, – проговорил Малик.

Я тоже надеялся, а вслух спросил иное:

– У цариссы Яны есть дочери?

Это ведь мне вызывать огонь на себя. Надо быть готовым.

– Всего одна, и ты ее хорошо знаешь, – сказал дядя Люсик. – Ярослава. Единственная наследница. – Он повернулся к Малику и проговорил с некоторым сомнением: – Может быть, Чапе не стоит ходить с нами в башню? Если на его свободу начнут покушаться и там...

Я возразил:

– В амнистию мы с Маликом вписаны оба, про меня спросят в любом случае. Мне нужно идти. Как и Ефросинья, Ярослава тоже может оказаться в башне, тогда я передам сообщение от ее брата. Возможно, она что-то вспомнит из детства. И, как единственному другу Юлиана, Ярослава может рассказать мне больше, чем кому-то другому.

– Думаю, нужно рискнуть еще раз, – согласился со мной Малик.

Дядя Люсик вздохнул.

– Тогда нас ждет либо Шопен, – проворчал он под нос, – либо Мендельсон.

– В каком смысле? – не понял я.

– Первого играют на похоронах, – подсказал Малик, – а второго...

– Знаю.

– И в таком случае нам лучше разделить сейчас, – объявил дядя Люсик. – В башню ведет единственный путь, с других сторон местность непроходима. Лишних подозрений нам не надо, поэтому мы должны прибыть именно по дороге.

Мы устроили небольшой привал. Малик стал обсуждать с рыцарями место будущей встречи и сигналы, я в разговор не вступал, но прислушивался. Общий смысл вырисовывался такой: вместе с шестью разбойниками мой меч отправится напрямую (если так можно сказать про зигзагообразное и, иногда, почти круговое передвижение по пересеченной местности) к «плохому месту» у темного дома, а мы придем туда после попытки легального обращения к святым сестрам по поводу Зарины – придем вместе с ней или за помощью, если потребуется силовое решение.

Я вновь остался без любимого оружия.

Дальше мы с Маликом и дядей Люсиком отправились втроем. Башня показалась уже в темноте. Черный силуэт выплыл из мрака, через минуту в бойницах вспыхнули мерцающие оранжевыми отсветами огни факелов: нас заметили.

Как и в прошлый раз, говорил от нашего имени дядя Люсик, а мы с Маликом изображали на все согласных и покорных любому его слову подопечных.

– Я – школьный распорядитель папринций Люсик. Со мной двое спутников, которых я не могу оставить в поселке, поскольку обязан сопровождать лично. Прошу гостеприимства.

Из башни донесся грубоватый мужской голос:

– Хозяйки нет, решение о вас примет царевна Ярослава. Ее уже известили.

То есть, Ярослава где-то поблизости, но не в башне? Гуляет? Ночью?

Зная ее... почему нет? Оставленная за хозяйку, она вправе делать все, что посчитает нужным, а уж нужным кому – семье или себе – это второй вопрос.

– Мы подождем, сколько понадобится. – Дядя Люсик секунду помолчал и тактично добавил: – Просим прощения, что доставили неудобства несогласованным визитом.

Ответ понравился, голос бойника, выглянувшего в узкую щель, смягчился:

– Царевна Ярослава согласна предоставить ночлег и стол школьному распорядителю и его спутникам.

То есть... Ага, Ярослава все же в башне, но не горит желанием выскакать навстречу непонятно кому. Это, вообще-то, нам сигнал. Дают понять, что «непонятно кто» в данном случае – мы. Даже если нас всех узнали. А нас не могли не узнать. Папринций представился, Малика ни с кем не спутать из-за внешнего вида по одному только силуэту, какого в этих местах не сыщешь, а меня царевна тоже, как мне казалось, забыть не должна. Или девичья память настолько коротка? Или я в жизни царевны настолько незначительный эпизод, что и внимания не достоин?

И если к нам сразу так отнеслись... В груди зашевелились нехорошие предчувствия.

Створки ворот медленно распахнулись, решетка за ними проскрежетала вверх, где и замерла на высоте примерно двух метров – достаточно, чтобы под ней прошли пешие. Не выше. Тоже своего рода показатель.

Впрочем, взглянем на происходящее по-другому, и тогда получится, что все к лучшему. Меньше помпезности и официоза при встрече – меньше требований к нам, ничтожным прохожим, едва достойным, чтобы переступить порог. Типа, должны быть благодарны, что нас вообще пустили. Значит, и покушений на мою нравственность не будет: запросам царевны не соответствую.

Тогда все отлично. Для меня. А как это скажется на деле, ради которого мы рискуем – скоро узнаем.

Внутренний дворик под прицелом никто не держал – видимо, угрозы и возможных неприятностей Ярослава в нас не видела. Странно. Заявившийся собственной персоной лесной бандит Малик Носатый должен вызвать опаску или некоторые подозрения у любого. Либо Ярослава до непредставимых пределов доверяет папринцию, либо она чересчур беспечна. Или я, делами доказавший свою преданность, оказался той страховкой, на которую положила юная заместительница хозяйки.

Два встретивших нас бойника немного склонили головы в приветствии. Теплыми словами вспомнились времена, когда меня считали ангелом. Тогда передо мной приседали. Теперь лишь обозначают возможное почтение, которого приветствуемый субъект еще не заслужил и, как бы, не факт, что заслужит в дальнейшем. Авансы здесь выдавать не любили.

Первый из бойников снял со стены факел и пригласил следовать за собой.

– Прошу. – Через десяток шагов он остановился у первой же двери.

Как и в башне Анисы, здесь нам тоже предоставили ближайшее помещение. Наверное, во всех башнях это вроде гостевой комнаты для приезжих низшего пошиба, потому что более уважаемых гостей обычно провожали выше.

– Помыться вам принесут, к ужину пригласят.

Как и в предыдущий раз, после размещения нас предоставили самим себе.

Комнату нам выделили одну, что порадовало, несмотря на откровенное приклеивание ярлыка «гостей низшей категории». Думаю, заявись сюда среди ночи проезжая царисса со свитой, встречать ее будут не дежурные бойники, а царевна и на все готовый расторопный дворецкий, а нас, не вышедших рылом, без каких-либо объяснений и угрызений совести вышвырнут вон.

До ужина царевна к нам так и не вышла. Когда пригласили в обеденный зал, ее там тоже не оказалось. Лишь после того как скрип и стук ложек о дно тарелок возвестил, что дело подходит к концу, дежурный бойник с полуприседом отворил дверь, и в проеме показалась щурившаяся от света Ярослава.

Перед нами она появилась сонная, в домашнем халате, с забранными в хвост волосами. Важными гостями, ради которых стоило соблюдать минимум приличий, мы для нее не были, о чем царевна не постеснялась молчаливо сообщить нам еще раз.

Мы поднялись и склонили головы в приветствии.

Небрежный жест приказал нам сесть.

– Какими судьбами, папринций?

На меня и Малика Ярослава даже не посмотрела. Наверное, до выяснения нашего статуса видеть в нас живых людей царевнам не полагалось.

Добрым словом вспомнилась Ефросинья. У той, конечно, был личный интерес, но нынешнее полное игнорирование ударило по самолюбию, а это посильнее какой-то там боязни оказаться очередным невестором. Я недоуменно глядел на равнодушную к моему присутствию Ярославу, и память подкидывала картинки, от которых под доспехами начиналась самостоятельная жизнь.

После «сплочения команды», закончившегося всеобщими обнимашками и поцелуйчиками, именно Ярослава поддержала Варвару, когда та схватила меня у озера, чтобы общими усилиями заставить стираться вместе со всеми. Она радовалась, как здорово ходить без одежды, и, кстати, именно из Ярославы вышел самый похожий на правду человек: ничего не стеснявшийся, передвигавшийся грациозно и естественно, невзирая на мое противоположно-полое присутствие рядом. В то время мне казалось, что царевна меня соблазняет, то есть что я ей нравлюсь и она из всех сил привлекает к себе внимание. Ярослава проявляла наибольший энтузиазм на «уроке», выказывая невероятные знания и умения, и на следующий день требовала его продолжения.

Впечатления остались незабываемые, воспоминания не вытравить огнем. Помню откровенный немигающий взгляд царевны, ее прикушенную губу, облизывающийся язычок. Помню то, что не должен бы не только помнить, но и видеть, знать, чувствовать...

И после всего этого...

Не понимаю. Наверное, для человечества в целом хорошо, что все люди разные, но некоторых мне хотелось бы понимать лучше. Поскольку нормальной логике (то есть, моей) их поступки не поддавались.

Из-за таких, как Ярослава, я и себя хуже понимаю. Шел сюда – мечтал остаться незамеченным. Казалось бы, мечта сбылась: все просто замечательно, меня, как и хотелось, не замечают. А мне обидно. Как это понимать?

Глава 6

Дядя Люсик рассказал заготовленную легенду:

– Согласно распоряжению следую с двумя амнистированными спутниками в темный дом, там должен получить следующий приказ.

Он вновь поднялся и с поклоном подал Ярославе наш документ. В башне его титул и должность не котировались, это в школе ученица обязана слушаться распорядителя, а здесь, на чужой территории, оставленная за хозяйку царевна при желании могла и казнить. При последующем разбирательстве рассматривались бы в основном ее мотивы и аргументы, и если все окажется в рамках закона, то до точки зрения второй стороны дело могло не дойти. Мы все понимали, а царевна не забывала напоминать – как действиями, так и предельно равнодушным внешним видом.

Из башни Яны в разные стороны вели две дороги. По широкой «царской» которую я назвал бы «трассой федерального значения», мы пришли сюда от развилки. Вторая, местная, представляла из себя утопанную ногами и копытами тропу с накатанной колеей для телег, она уходила в нужную нам сторону – к темному дому. Цариссы с собранными отрядами отбыли на войну (за неимением точных сведений назовем это пока так), оставив наследниц заведовать башнями. Это говорило о двух фактах. Во-первых, где-то дела настолько плохи, что для отпора врагу нужно собрать максимальные силы. Во-вторых, если царисс разобьют, наследницы обязаны обеспечить и возглавить второй эшелон защиты, для чего им необходимо безвылазно сидеть дома, собирать новых бойцов и ждать известий.

Узнав, что наша цель – темный дом, в другое время Ярослава поехала бы с нами, чтобы узнать, чем кончится дело. Сейчас мы могли быть спокойны – в опасное время башню на произвол судьбы не оставить. Правда, нам могли дать сопровождающих. Темный дом находится в вотчине цариссы Яны, и все происходящее с ним касается и ее. Как и Ярославы, заместительницы хозяйки. Но сопровождение – меньше из зол. Все равно внутрь темного дома придется идти официально, хотя бы чтоб спросить, находится ли там святая сестра Зарина или нет. Дальнейшие планы – в зависимости от ответа.

Царевна бегло глянула в амнистию и протянула обратно.

– Здесь указан Малик Носатый. Как понимаю – бывший вожак разбойников?

Малик встал и поклонился.

Ярослава сделала кистью движение, чтобы он сел и не мозолил глаза. Сама она по-прежнему стояла в дверном проеме и входить не собиралась. Возможно, рост Малика лишал ее возможности смотреть на нас свысока. Теперь все снова стало в порядке.

– Почему рыцари Малика Носатого убиты или казнены, а их командир жив и неплохо себя чувствует? – высокомерно осведомилась царевна.

Она как бы ни к кому не обращалась. Отвечать в таком случае должен старший из нас, то есть папринций, но Малик вновь поднялся:

– Позвольте ответить?

Нервным махом руки Ярослава вновь усадила его:

– Говори.

– Командир свободных рыцарей не хотел крови, – заговорил Малик о себе в третьем лице – так же, как было в прозвучавшем вопросе, – он сделал все для примирения, сложил оружие и отдался на милость Верховной царицы. Судьба сразу повернулась к нему лицом, и отныне не существует Малика Носатого, а перед вашими глазами сидит, по вашему распоряжению, объявленный невестор Малик Ефросиньин.

Ярослава поморщилась, то ли ухмыляясь, то ли просто кривясь:

– По дороге сюда соседка охомутала? Шустрая. Я могла бы поздравить, но, скорее, соболезную. Имею в виду, конечно, не Ефросинью.

Ярослава развернулась и сделала шаг на лестницу.

Весь наш план рушился. Вторая осечка. Сейчас царевна уйдет, утром нас выпроводят, и получалось, что мы потеряли время, чтобы поваляться в удобной постели и сытно покушать.

До того, как бойник затворил за Ярославой дверь, я вскочил из-за стола.

– Можно на пару слов наедине? – догнал царевну мой крик.

До сих пор бойник опирался на короткое копьё как на посох, но сейчас наконечник резко наклонился в мою сторону.

Ярослава с любопытством оглянулась, на секунду задумалась и махнула головой в коридор, чтобы я шел следом.

В своей комнате Ярослава очередным небрежным жестом отпустила сопровождавшего нас бойника. У себя в башне она ничего не боялась. Или в грош не ставила конкретного меня. Последнее было обидно. Молодой человек в расцвете сил, девушка в халате, под которым, как я почему-то был уверен, ничего нет, закрытое помещение, в центре которого – необъятный мягкий сексодром... И в памяти оставшихся здесь наедине парня и девушки – связывавшее их тако-о-ое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.